

ТЭД ГРАНТ

ПРОТИВ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

1949 г.

Перевод с английского Гончаренко О. С.

Редакционная правка: Дмитрий Крайнов

Работа товарища Клиффа, озаглавленная «Природа сталинистской России» на первый взгляд создает впечатление эрудиции и научного анализа. Однако, после тщательного изучения, можно заметить, что ни одна из глав не содержит ни одного разработанного тезиса. Авторский метод представляет собой серию комментариев к цитатам, и демонстрирует свою слабость тем, что "выводы не вытекают из анализа". Невозможно понять, остается ли сталинистская Россия прогрессивной системой (несмотря на ее деформации), или же она для Клиффа играет теперь ту же самую реакционную роль, что и "индивидуальный", частнособственнический капитализм или фашизм. Эта слабость резко подчеркивается тем фактом, что отсутствуют какие-либо практические выводы. Следует ли защищать Россию, или же революционная партия должна выступать за пораженчество? Вместо того, чтобы искать ответ на этот вопрос в самом анализе, его приходится разрабатывать "апостериори".

Несмотря на тот факт, что товарищ Клифф утверждает, что сталинистская бюрократия - это новый класс, нигде в его работе не проводится действительный классовый анализ, и не приводятся доказательства того, как и почему такой класс есть класс капиталистов в новой форме.

И это не случайно. Это следует из данного метода. Все факты искусственно подгоняются под предвзятую концепцию государственного капитализма. Вместо того, чтобы применить теоретический метод учителей марксизма к русскому обществу в процессе его движения и развития, Клифф тщательно просматривал литературу в поисках цитат и пытался спрессовать их в теорию.

Нигде в этой работе Клифф не упоминает главный марксистский критерий в анализе социальных систем: «Ведет ли новая формация к развитию производительных сил?» Теория марксизма основана на материальном развитии производительных сил как движущей силе исторического прогресса. Переход от одной системы к другой не решается субъективно, а имеет свои корни в потребностях самого производства. На этом и только на этом базисе производства и возводится надстройка: государство, идеология, искусство, наука. Правда, надстройка имеет важное обратное воздействие на базис и даже, как утверждал Энгельс, в определенных пределах развивает свое собственное независимое движение. Но, в конечном счете, развитие производительных сил является решающим.

Маркс указывал на относительную историческую оправданность капитализма. Несмотря на ужасы индустриальной революции, несмотря на рабство негров в Африке, несмотря на детский труд на фабриках, несмотря на захватнические войны на всем земном шаре – капитализм был необходимой стадией в развитии производительных сил. Маркс показал, что без рабства, не только древнего рабства, но и рабства в эпоху раннего развития капитализма, развитие современного производства было бы невозможно. Без этого материальная база коммунизма никогда бы не была подготовлена. В работе "Нищета философии" Маркс писал:

"Непосредственное рабство - это такая же точка опоры для буржуазной индустрии, как машины, кредит и т.д. Без рабства у вас не будет хлопка, без хлопка у вас не будет современной промышленности. Именно рабство дало колониям их значимость; именно колонии создали мировую торговлю, и именно мировая торговля является предпосылкой развития крупномасштабной промышленности. Таким образом, рабство есть экономическая категория величайшего значения.

Без рабства Северная Америка, самая прогрессивная из стран, превратилась бы в патриархальную страну. Сотрите Северную Америку с карты мира и вы получите анархию - полное разложение современной коммерции и цивилизации".

Конечно, отношение Маркса к ужасам рабства и промышленной революции хорошо известно. Было бы большим искажением позиции Маркса утверждать, что поскольку он написал вышеизложенное, то он одобрял рабство и детский труд. С таким же успехом нельзя обвинять сегодняшних марксистов в том, что поскольку они поддерживают экономическую основу СССР – государственную собственность, то они, следовательно, оправдывают ГУЛАГ и другие преступления сталинского режима.

Поддержка Марксом позиции Бисмарка в Франко-Прусской войне была продиктована аналогичными причинами. *

** Отто фон Бисмарк, канцлер Прусского правительства с 1862 года, ввел антисоциалистический Закон 1878 г. Он провел объединение Германии под власть Пруссии благодаря успешным войнам против Дании, Австро-Венгрии, и затем Франция.*

Несмотря на политику "крови и железа", проводимую Бисмарком, и реакционный характер его режима, Маркс высказался в поддержку войны Пруссии против Франции, поскольку национальное объединение Германии способствовало бы развитию производительных сил. Основным критерием было развитие производительных сил. В конце концов, все остальное проистекает отсюда.

Любой анализ Русского общества должен начинаться с этой основы. Поскольку Клифф допускает, что в то время как капитализм загнивает и ослабевает в мировом масштабе, но сохраняет свою прогрессивную роль в России, относительно развития производительных сил, то логически ему следовало бы сказать, что государственный капитализм является следующим шагом вперед для общества, или, по крайней мере, для отсталых стран. Напротив, он показывает, что Русская буржуазия была неспособна выполнить ту роль, которую сыграла буржуазия, на Западе, и поэтому произошла пролетарская революция.

Если мы имеем государственный капитализм в России, (порожденный пролетарской революцией), тогда ясно, что кризис капитализма, на признании которого мы основывались в течение прошлых десятилетий, не был неразрешимым, а просто был родовыми муками новой и более высокой стадии капитализма. Цитируя Маркса - что ни одно общество не уходит со сцены, пока оно не исчерпало все свои возможности – Клифф показывает, что если его аргумент правилен, то перед нами открывается новая эпоха, эпоха государственного капитализма. Это поколебало бы всю теоретическую основу ленинско-троцкистского движения. Клифф говорит, не объясняя почему, что если мы придерживаемся теории деформированного рабочего государства, то мы должны отказаться от теории перманентной революции. Однако он не сумел увидеть, что для того, чтобы принять теорию государственного капитализма, необходимо отказаться от теории перманентной революции, основанной на той идее, что капитализм до такой степени исчерпал себя в мировом масштабе, что неспособен даже выполнять задачи буржуазно-демократической революции в отсталых странах. Поскольку в Восточной Европе "государственные капиталисты" выполняли задачи буржуазной революции в вопросе о земле и т. д., Клифф обходит стороной этот вопрос аграрной революции, которую, как утверждает Троцкий, мог провести только пролетариат. Если "государственно-капиталистические" партии сталинистов могут выполнить эту задачу, то не только теория перманентной революции выбрасывается из окна, но и утверждается жизнеспособность нового государственного капитализма в исторической перспективе.

Если тезис товарища Клиффа о том, что в России сегодня существует государственный капитализм, правилен, то тогда из него вытекает вывод, что государственный капитализм существует со времен Русской Революции, и функцией самой революции было внедрение общественной системы государственного капитализма. Потому что, несмотря на его мучительные попытки провести границу между экономическим базисом Русского общества до 1928 года и после этого, экономический базис Русского общества фактически оставался неизменен.

Неправильное использование цитат

Товарищ Клифф пытается доказать, что Троцкий склонялся к убеждению, что бюрократия является новым правящим классом. С этой целью он приводит цитаты из книги "Сталин", а затем из книги "Живые мысли Карла Маркса".

Клифф пишет:

"Явный шаг в направлении новой оценки бюрократии как правящего класса находит выражение в последней книге Троцкого «Сталин». Он пишет:

."Сущность Термидора была, есть и не могла не быть социальной по своему характеру. Он стоял за кристаллизацию нового привилегированного слоя, создание новой прослойки для экономически господствующего слоя. На эту роль было два претендента: мелкая буржуазия и сама бюрократия. Они боролись плечом к плечу (в борьбе с целью сломить сопротивление пролетарского авангарда). Когда эта задача была выполнена, между ними разгорелась жестокая борьба. Бюрократия испугалась своей изоляции, своего отрыва от пролетариата. В одиночку она не могла разбить "кулака" и мелкую буржуазию, которая выросла и продолжала расти на основе НЭПа, ей пришлось воспользоваться помощью пролетариата. Отсюда ее согласованная попытка представить свою борьбу против мелкой

буржуазии за излишки продукции и за власть как борьбу пролетариата против попыток реставрации "капитализма" ("Природа сталинистской России") Тони Клиффа, июнь 1948, стр. 10 .

И товарищ Клифф комментирует:

"Бюрократия, говорит Троцкий, притворяясь борющейся против реставрации капитализма, в действительности использовала пролетариат лишь для того, чтобы уничтожить кулаков с целью "кристаллизации нового привилегированного слоя, для создания новой прослойки экономически господствующего класса". Одним из претендентов на роль экономически господствующего класса, говорит он, является бюрократия. Большое внимание уделяется этой формулировке, когда мы связываем этот анализ борьбы между бюрократией и кулаками с определением классовой борьбы, данным Троцким. Он говорит: "Классовая борьба есть не что иное, как борьба за прибавочный продукт. Тот, кто владеет прибавочным продуктом, является хозяином ситуации - владеет богатством, владеет государством, имеет ключ к Церкви, суду, науке и искусству". (Клифф, стр. 10).

И Клифф делает вывод:

"Борьба между бюрократией и кулаками была, согласно последнему выводу Троцкого, борьбой ... за прибавочный продукт".

Для уяснения метода, при помощи которого товарищ Клифф сконструировал свой вывод, исследуем эти цитаты в контексте, и увидим, что вывод будет противоположным тому, который делает Клифф:

"Кулак, вместе с мелкими промышленниками, работал на полную реставрацию капитализма. Так началась непримиримая борьба за прибавочный продукт национального труда. Кто будет распоряжаться им в ближайшем будущем - новая буржуазия или Советская бюрократия? - это стало ближайшей проблемой. Тот, кто распоряжается прибавочным продуктом, имеет в своем распоряжении и государственную власть. Все это и начало борьбу между мелкой буржуазией, которая помогла бюрократии сломить сопротивление трудящихся масс и их представителей влевой оппозиции и самой термидорианской бюрократии, которая помогла мелкой буржуазии взять верх над аграрными массами. Это была непосредственная борьба за власть и доход.

Очевидно, бюрократия не для того разбила пролетарский авангард, отошла от международной революции и легитимизировала философию неравенства, чтобы капитулировать перед буржуазией, стать служанкой последней и в итоге оказаться отстраненной от государственной кормушки". (Л. Троцкий, "Сталин", Харпер, Лондон, 1941, стр. 391.) Подчеркнуто нами.

Поместив рядом эти две цитаты и сделав отсюда вывод, что Троцкий изменил свою позицию о классовом характере бюрократии, Клифф выставляет Троцкого в глупом виде, показывая, что он якобы противоречит сам себе. Несколькими страницами дальше Троцкий объясняет свою идею, он показывает органическую тенденцию разложения капитализма повсеместно. Только на этой основе и могли сохраниться национализированные производительные силы в России. Развитие мировой экономики в течение последних 50 лет было направлено в сторону огосударствления производительных сил. Сами капиталисты частично были вынуждены признать производительные силы как социальные (Энгельс). Фактически это ключ к пониманию того, почему Россия выжила в войне. Дезориентация марксистской мысли, выраженная в работе Клиффа, в значительной степени обусловлена неспособностью оценить скрытый смысл и сложность этой тенденции. В своей книге о Сталине Троцкий рассматривает теоретическую возможность правления бюрократии в течение нескольких десятилетий.

Несколькими страницами далее после цитат, приведенных Клиффом, Троцкий пишет:

"Контрреволюция начинается, когда клубок прогрессивных социальных завоеваний начинает сворачиваться. Этому сворачиванию, кажется, не видно конца. Однако некоторая часть завоеваний революции всегда сохраняется. Таким образом, несмотря на чудовищные бюрократические извращения, классовый базис СССР остается пролетарским. Но не будем забывать, что упомянутый процесс сворачивания еще не закончился, и будущее Европы и мира в течение нескольких ближайших десятилетий еще не решено, русский Термидор, несомненно, открыл бы новую эру буржуазного правления, если бы это правление не оказалось устаревшим во всем мире. Во всяком случае, борьба против равенства и установление очень глубокой социальной дифференциации до сих пор были не в состоянии исключить социалистическую сознательность масс или национализацию средств производства и земли, которые были основными социалистическими завоеваниями революции..." ("Сталин", стр. 405)..

Мы считаем, что это достаточно ясно демонстрирует, что Клифф вырвал цитату из книги Троцкого "Сталин" из контекста и прочел в ней нечто такое, чего там не было. В своей последней работе, как и во всех других по русскому вопросу Троцкий имел постоянную позицию в своей характеристике

Советского Союза. Ни из одной его работы нельзя сделать вывод, что он изменил свою фундаментальную позицию.

Возможна ли борьба между двумя частями одного и того же класса? Французская революция - русская революция.

Чтобы понять Русскую Революцию, мы можем взять за аналогию Французскую Революцию, которая удивительно похожа на нее по своему характеру, хотя очевидно имеет совершенно иную классовую основу. Как известно, революция 1789 года во Франции установила власть буржуазии. Маркс объясняет прогрессивную роль революционных якобинцев: эта революционная диктатура санкюлотов пошла дальше буржуазного режима, поскольку вымела весь феодальный мусор и сделала в течение нескольких месяцев то, на что буржуазии понадобились бы десятилетия. За этим последовала термидорианская реакция и бонапартистская контрреволюция.

Все, кто сравнивал бонапартистскую контрреволюцию с революцией - по крайней мере, в области надстройки - обнаруживал там такое же большое различие, как и между режимом Ленина и Троцкого в России и режимом Сталина в последние годы. Для сторонних наблюдателей разница между этими двумя режимами была принципиальной. И действительно, что касается надстройки, разница была вопиющей. Наполеон вновь ввел многие ордена, звания и отличия, близкие к временам феодализма: он восстановил церковь, наконец, он короновал себя императором. Однако, несмотря на эти факты контрреволюции, тем не менее, речь не может идти о восстановлении старого режима. Это была контрреволюция на основе новой формы собственности, введенной буржуазной революцией. Буржуазные формы собственности или отношения собственности являлись основой экономики при бонапартизме.

Когда мы изучаем дальнейшую историю Франции, мы видим разнообразие форм правления, надстройки, развившихся в ходе классовой борьбы. Реставрация монархии после поражения Наполеона, революций 1830 и 1848 годов - что было здесь основой классовой борьбы? Это была борьба за распределение прибавочного продукта между фракциями правящего класса, но после всех этих революций экономический базис оставался буржуазным.

Последующая история Франции увидела диктатуру Луи Бонапарта, реставрацию буржуазной демократии и республики, и в недавние дни режим Пэтена. При всех этих режимах существовали различия в распределении национального дохода между классами и между различными слоями самого правящего класса. Однако мы называем все эти режимы буржуазными. Почему? Только из-за формы собственности.

Учитывая отсталость Советского Союза, которая очень хорошо объясняется Клиффом, и изолированность революции, почему бы схожий процесс термидорианской реакции и не мог происходить? И он на самом деле имел место. Давайте вернемся к книге Троцкого "Сталин". Старик высказался очень ясно. После цитаты, где Троцкий показывает, что сущность Термидора не могла быть по своему характеру иной, чем надстроечной, и была борьбой за прибавочный продукт, он продолжал объяснять, что он имел в виду. Давайте продолжим там, где остановился Клифф:

"Здесь аналогия о французском Термидоре заканчивается. Первостатейное значение приобрела новая социальная основа Советского Союза. Защита национализации средств производства и земли - это закон жизни и смерти бюрократии, поскольку они являются социальными источниками ее доминирующего положения. Это было причиной ее борьбы против кулака. Бюрократия, могла вести эту борьбу и вести ее до конца только при поддержке пролетариата. Лучшим доказательством того факта, что она добилась этой поддержки, была лавина капитуляций от представителей новой Оппозиции.

Борьба против кулака, борьба против правого крыла, борьба против оппортунизма - официальные лозунги этого периода - казались рабочим и многим представителямлевой Оппозиции похожими на возрождение диктатуры пролетариата и социалистической революции. Мы предупреждали их в то время: это не только вопрос о том, что делается, но и о том, кто это делает. В условиях Советской демократии, т.е. самоуправления тружеников, - борьба против кулаков не могла принять такой конвульсивной, панической и жестокой формы и могла привести к общему подъему экономического и культурного уровня масс на основе индустриализации. Но борьба бюрократии против кулака проводилась за счет тружеников, и поскольку ни один из участвующих в ней гладиаторов не доверял массам, т.к. оба они боялись масс, то эта борьба приобрела чрезвычайно конвульсивный и жесткий характер. Благодаря поддержке пролетариата, она закончилась победой бюрократии, однако она не привела к увеличению удельного веса пролетариата в политической жизни страны. ("Сталин", стр. 408, подчеркнута нами).

Когда Троцкий говорит здесь о создании нового слоя экономически господствующего класса, то под господствующим классом он отчетливо понимает пролетариат, который господствует через форму собственности.

Клифф говорит: "Одним из претендентов на роль экономически господствующего класса, говорит он, является буржуазия. Большое внимание уделяется этой формулировке.. ». Здесь мы видим опасности метода работы на основе предвзятых идей и попытки выбирать те цитаты, которые подходят к этим идеям.

В той же главе Троцкий показывает сходство и отличия от Французской революции, и почему реакция приняла во Франции иную форму по сравнению с Россией:

"Привилегии бюрократии имеют другой источник происхождения. Бюрократия взяла себе ту часть национального дохода, которую она могла захватить либо силой, либо властью, либо прямым, вмешательством в экономические отношения. В вопросе о национальном прибавочном продукте бюрократия и мелкая буржуазия из союзников быстро стали врагами. Контроль над прибавочным продуктом открыл для бюрократии путь к власти". ("Сталин" стр. 40).

Идея Троцкого достаточно ясна. Борьба за прибавочный продукт может проводиться не только между разными классами, но и между различными слоями и различными группировками внутри одного класса.

Действует ли в русской экономике закон стоимости?

Вся глава работы Клиффа, посвященная закону стоимости, является ошибочной с марксистской точки зрения. В крайне запутанной форме он утверждает, что закон стоимости не действует в русской экономике, и применим только в ее торговых отношениях с мировым капитализмом. Он находит основу закона стоимости не в русском обществе, а в мировом капиталистическом окружении.

"Теперь давайте выясним, какое значение имеют внутренние отношения в России, если абстрагироваться от влияния мировой экономики. Это абстрагирование решило один фундаментальный вопрос: то, что источник действия закона стоимости нельзя найти во внутренних отношениях внутри самой русской экономики. Другими словами, оно приблизило нас к решению вопроса о том, подчиняется ли русская экономика закону стоимости, показав нам, где не нужно искать его источник". (Клифф, стр. 98. подчеркнуто в оригинале).

Согласно марксистской теории, закон стоимости проявляется в обмене. И это справедливо для всех форм общества. Например, разрушение первобытного коммунизма шло через обмен и бартер между различными первобытными общинами. Это привело к развитию частной собственности. В рабовладельческом обществе, таким же образом, продукция, производимая рабами, становилась товаром, когда она вовлекалась в обмен. В ходе этого развития появился "товар товаров" – деньги. Таким образом, продукт поработил производителя и в итоге противоречие, вызванное денежной экономикой, привело к разрушению старого рабовладельческого общества. При феодализме производимый экономически независимыми помещиками и баронами в их "натуральной экономике" прибавочный продукт через обмен становился товаром, и, фактически, был начальной точкой капиталистического развития, ведя к возникновению торгового капитала.

Следовательно, если бы закон стоимости проявлялся в обмене только между Россией и внешним миром, это означало бы, что русский прибавочный продукт обменивался на основе закона стоимости. Какие последствия имело бы это для внутренней экономики, это уже, другой вопрос, который нужно было бы разработать.

Однако, из-за незначительной доли импорта и экспорта Советского Союза относительно общего объема промышленной продукции страны, Клифф неизбежно понимает слабость этого пункта. Поэтому Клифф, как ни странно, находит, что закон стоимости проявляется не в обмене, а в конкуренции. Даже это было бы неплохо, если бы он утверждал, что это была конкуренция на мировом рынке по классическим законам рыночной экономики. Но он не может этого утверждать, т. к. это расходится с фактами. Поэтому он вводит новое понятие, Он находит свою "конкуренцию" и свой "закон стоимости" в производстве оружия!

Давление мирового капитализма заставляет Россию отдавать огромную часть национального дохода на производство оружия и оборону, создавать небывалые в истории капиталовложения в оборонную промышленность. Здесь Клифф открывает свой закон стоимости. Закон стоимости проявляется в конкуренции в области вооружения между двумя, общественными системами! Это можно описать как вклад в теорию бюрократического коллективизма Шахмана. Если эта теория верна, то мы,

следовательно, имеем дело с совершенно новым типом экономики, никогда не виданной прежде в истории и не предвиденной марксистами.

Здесь мы снова хотели бы отметить опасности неразборчивого использования цитат и смешивания идей для обоснования "тезиса". В действительности, разбираемая нами работа не является исследованием государственного капитализма; это гибрид бюрократического коллективизма и государственного капитализма. Если этот раздел работы Клиффа вообще имеет какой-то смысл, то он ведет прямо к бюрократическому коллективизму Шахмана.

Эта идея частично заимствована у Гилфердинга (*Рудольф Гилфердинг был вождем Германской социал-демократии - прим. автора*), который постоянно утверждал, что в России и в нацистской Германии закон стоимости не работает, и что это совершенно новые общественные формации. Она базируется также на неправильном понимании некоторых отрывков из книги Бухарина "Империализм и Мировая экономика", где он аргументирует на основе "государственного капитализма" - органического союза трестов с финансовым капиталом - и в которой он, вместе с Лениным блестяще предсказал форму диктатуры, которая позднее реализовалась в Итальянском фашизме и нацизме. Не государственная собственность на средства производства, а именно слияние финансового капитала с государством. Фактически Бухарин выбрал в качестве одного из своих классических примеров такое государство... как США.

Аргумент о вооружении имеет налет мистической, а не экономической категории. В лучшем случае, если бы мы даже приняли его как правильный, он бы только объяснил, почему Россия производит оружие, а не то, как или на какой экономической основе производится это оружие. Даже если бы Россия была здоровым государством рабочих, то в империалистическом окружении существовала бы абсолютная необходимость производить оружие и соревноваться в этом с соперником - капиталистической системой. Однако этот аргумент о вооружении является ложным. Большая часть производства в России является производством не оружия, а средств производства. Опять таки, это могло объяснить, почему бюрократия старается накапливать средства производства с фантастической скоростью, но это ничего не объясняет в экономической системе самого производства. Вполне вероятно, что в здоровом государстве рабочих накопление оружия имело бы меньшие размеры по социальным причинам, (интернационалистическая и революционная политика по отношению к рабочим в других странах), но тем не менее оно имело бы место под давлением мирового империализма. Более быстрый или более медленный темп развития средств производства не обязательно говорит нам о методе, которым они производятся.

Клифф говорит, что бюрократия развивает средства производства под давлением мирового империализма. Хорошо. Но все это снова говорит нам о том, почему эти шаги являются столь быстрыми. С точки зрения даже классической буржуазной политекономии аргумент Клиффа является чистойшей уверткой. Он просто формулирует то, что должно быть доказано. Не без оснований Троцкий пишет в книге "Преданная революция", что весь прогрессивный смысл деятельности сталинистской бюрократии состоял в подъеме производительности труда и в обороне страны.

Мы видели, что если закон стоимости применим только из-за существования капитализма в мировой экономике, то тогда его применение ограничивалось лишь теми продуктами, которые подлежат обмену на мировом рынке. Однако Клифф выдвигает два противоречащих друг другу тезиса относительно русской экономики. С одной стороны он говорит:

"Это не означает, что система цен в России является произвольной, в зависимости от прихоти бюрократии. Основой цены здесь также является стоимость производства. Если цена может использоваться как приводной ремень, посредством которого бюрократия управляет производством в целом, то она должна служить своей цели, и как можно точнее отражать реальную стоимость, т.е. общественно необходимый труд, включенный в различные продукты..." (Клифф, стр. 94 - подчеркнуто нами).

Двумя страницами далее Клифф описывает как центральный пункт то, что он намеревается доказать:

"... что в экономических отношениях внутри самой России нельзя найти в действии автономно экономической деятельности, источник закона стоимости". (Клифф, стр. 96. подчеркнуто в оригинале),

В первой цитате Клифф точно показывает тот путь, которым проявляет себя закон стоимости в советской экономике. Даже если абстрагироваться от мирового рынка, оставляя в стороне взаимодействующий эффект, который он несомненно имеет - когда Клифф говорит, что «реальная стоимость, т.е. общественно необходимый труд, заключенный в различные продукты», лежит в основе реальной цены продуктов, он говорит, что один и тот же закон действует как в советской, так и в капиталистической экономике. Различие состоит в том, что в капиталистической экономике закон стоимости проявляется вслепую, по законам рынка, а в России важную роль играет сознательная деятельность. В этой связи вторая цитата решительно разбивает аргумент Клиффа, о капитализме,

якобы существующем в России в данных условиях. В капиталистическом обществе закон стоимости, как он сам говорит, проявляется через "автономию экономической деятельности", т.е. господствующей силой является рынок с обособленными товаропроизводителями и, соответственно, анархия производства. Первая цитата явно показывает, что рынок - и в этом вся суть - находится внутри границ, контролируемых сознательно и, следовательно, не является капитализмом в понимании марксистов.

Ранее Клифф говорил, что закон стоимости не действует в России. Здесь же он показывает, как именно он действует: не по принципам классического капитализма, а по принципам переходного общества между капитализмом и социализмом.

Мы видим, что Клифф заявляет, что Россия - это капиталистическое общество, и однако при этом он находит источник основного закона капиталистического производства – закона стоимости, за пределами России. Энгельс так характеризовал капиталистическое производство :

"... если это производство и резервный фонд фактически находится в руках класса капиталистов, если оно возникло фактически через накопление прибыли, тогда оно неизбежно состоит из накопленного излишка продукта труда, переданного классу капиталистов классом трудящихся, сверх суммы зарплаты, выплаченной классу трудящихся классом капиталистов. В этом случае, однако, не зарплата определяет стоимость, а количество труда: в этом случае класс трудящихся передает классу капиталистов в виде продуктов труда большее количество стоимости, чем он получает его в форме зарплаты; и тогда право на капитал подобно всем другим формам присвоения без оплаты продукта труда объясняется как простая часть прибавочной стоимости, открытой Марксом. ("Анти-Дюринг", издательство Прогресс, Москва 1969, стр. 233).

Это свидетельствует о том, что там, где есть оплачиваемый труд, там где происходит накопление капитала, закон стоимости должен работать, независимо от того, в какой бы сложной форме он не проявлялся. Далее Энгельс, критикуя теорию Дюринга о пяти видах стоимости и "природной естественной стоимости продукции" объясняет, что в "Капитале" Маркс рассматривает стоимость товаров и что во всем разделе "Капитала", посвященном проблеме стоимости, нет даже ни малейшего намека на то, считает ли Маркс теорию стоимости товаров применимой к другим формам общества, и если да, то до какой степени." В этом смысле ясно, что в переходном обществе также: "Сама стоимость есть ничто иное, как выражение общественно необходимого труда, материализованного в предмете". Здесь необходимо только спросить: «что определяет стоимость машин, потребительских товаров и т.д. производимых в России? Является ли она произвольной? Что определяет расчеты, бюрократии? Что измеряют они в цене? Что определяет зарплату? Является ли зарплата оплатой труда? Что определяет "деньги"? Что определяет прибыль предприятий? Есть ли здесь капитал? Устранено ли разделение труда?»

Клифф дает два противоречивых ответа на эти вопросы. С одной стороны, он согласен с тем, что все расчеты и движение Русского общества развиваются по закону стоимости. С другой стороны, он считает, что закон стоимости работает только в результате давления со стороны внешнего капиталистического окружения, хотя не объясняет сколько-нибудь серьезно, как это происходит.

Роль денег в России

Удивительно, что сам Клифф подчеркивает, что бюрократия не определяет и не может определять цены произвольно, что она также не определяет и не может определить произвольно количество денег в обращении. И так было в каждом обществе, где деньги, (вспомним - товар товаров) играли какую-то роль. Энгельс, рассматривая эту проблему, спрашивал Дюринга:

"Если меч (неважно, кто им размахивает - бюрократ, капиталист или правительство) имеет магическую экономическую власть, приписываемую ему господином Дюрингом, почему ни одно правительство не сумело добиться успеха в том, чтобы сообщить плохим деньгам "распределительную стоимость" хороших денег или приобрести "распределительную стоимость золота"? (Анти-Дюринг, стр. 228).

** Дюринг был выдающимся Германским социал-демократом. В 1874-75 годах он опубликовал работы, выступив против Марксистской идеологии в вопросе о Германском движении, на что Энгельс ответил в работе "Анти-Дюринг".*

В книге "Преданная революция", Троцкий очень хорошо объясняет эту проблему. Он показывает, что экономические категории, присущие капитализму, все еще сохраняются в переходном обществе между капитализмом и коммунизмом (диктатуре пролетариата). Вот ключ: законы остаются, но модифицируются. Некоторые законы капитализма работают, другие же аннулируются. Например, Троцкий утверждает:

"Роль денег в Советской экономике не только не прекращается, как мы говорили, но и имеет большое будущее. Переходный период между капитализмом и социализмом, взятый в целом, не означает сокращения торговли, а наоборот, ее экстраординарное расширение. Все отрасли промышленности трансформируются и растут. Непрерывно возникают новые отрасли, и все они должны определить свое отношение друг к другу, как количественно, так и качественно. Ликвидация потребительской крестьянской экономики и в то же самое время замкнутой семейной жизни, означает переход в сферу социального взаимообмена и денежной циркуляции всей трудовой энергии, которая ранее расходовалась в пределах крестьянского двора или в стенах его частного жилища. Все продукты и услуги впервые в истории начинают обмениваться один на другой. ("Преданная революция" Н. Йорк, 1972, стр. 67, подчеркнута нами).

Где ключ к этой загадке? Его можно найти только в том факте, что здесь мы имеем переходное общество. Государство может теперь регулировать, но не произвольно, только в пределах границ закона стоимости. Любая попытка нарушить эти строгие границы и выйти за их пределы, установленные развитием самих производительных сил, немедленно приводит к новому утверждению доминанции производственных отношений над производителем.

Именно это пришлось открыть Сталину в вопросе о цене и деньгах, когда русская экономика была поражена кризисом инфляции, который полностью изменил и разрушил план. Закон стоимости не отменяется, а модифицируется. Именно это и имел в виду Троцкий, когда писал:

"Национализация средств производства и кредита, кооперация или огосударствление внутренней торговли, монополия внешней торговли, коллективизация сельского хозяйства, закон наследования - устанавливает строгие границы личному накоплению денег и препятствует их превращению в частный капитал (ростовщический, коммерческий и промышленный). Однако эти функции денег, связанные с эксплуатацией, не ликвидируются в начале пролетарской революции, а в модифицированной форме передаются государству - универсальному купцу, кредитору и промышленнику. В то же время, более элементарные функции денег как меры стоимости, средства обмена и средства оплаты не только сохраняются, но и приобретают более широкое поле деятельности, чем они имели при капитализме. («Преданная революция» стр. 66, подчеркнута в оригинале).

Нужно только поставить вопрос подобным образом, чтобы увидеть, что экономический анализ должен привести к выводу, что мы здесь имеем переходное общество, в котором работают некоторые законы, присущие социализму и некоторые, свойственные капитализму. Это, в конце концов, смысл переходности.

Хотя Клифф не признает этого, на деле он допускает это, поскольку, когда он говорит, что бюрократия может сознательно регулировать (хотя и в определенных границах) степень капиталовложений, пропорции между средствами производства, и средствами потребления, цену статей потребления и т.д., он тем самым доказывает, что некоторые из основных законов капитализма не работают.

Имеет ли место в России превращение денег в капитал? Полемизируя со Сталиным, Троцкий отвечает на этот вопрос, показывая, что капиталовложения делаются на основе плана, однако эти капиталовложения представляют собой прибавочную стоимость, создаваемую рабочими. Здесь Троцкий показывает основную ошибку в идее Сталина, что государство может регулировать хозяйство, не считаясь с экономическими законами. Мы могли бы добавить, что Сталин никогда не отрицал, что в России существовало товарное производство.

Несмотря на тот факт, что в России только один "наниматель" - государство, тем не менее, оно покупает рабочую силу. Правда, что из-за полной занятости, которая обычно ставит продавца товара рабочей силой в более сильную позицию, государство ввело различные ограничения на свободную продажу рабочей силы, так же как и в период полной занятости при фашизме. Или даже в Лейбористской Британии, где существует та же самая ситуация, с помощью регулирований и проектов наниматели заставляют государство вмешаться, чтобы устранить выгоды, возникающие из этой ситуации для продавцов рабочей силы. Но только тот, кто подменяет конкретный анализ абстракциями, может утверждать, что это отрицает наличие самого товара рабочей силой.

Правда, что в классической капиталистической экономике имела место свободная продажа рабочей силы. Однако, в самом "Капитале" Маркса был целый раздел, посвященный показу жестоких законов, которые были введены против нарождающегося пролетариата после того как Черная Смерть в Англии так уменьшила население, что пролетарии оказались в благоприятном положении для того, чтобы требовать повышения заработной платы. Означает ли это, что основные Марксистские законы не действуют? Наоборот, Маркс имел дело с «чистым» капитализмом, который никогда не существовал, и из которого он извлекал основные законы. Изменение того или иного элемента не вызывает изменения основных законов. Вот почему нацистская Германия, несмотря на многие извращения и отклонения от нормы оставалась в основном системой капиталистической экономики, потому что в экономике господствовало производство на основе частной собственности.

Стоит только сравнить порабощенного труженика в Сибири с пролетариатом в крупных русских городах, чтобы увидеть разницу. Первый - это раб на основе рабского труда, второй - это раб, получающий зарплату. Первый является чистым инструментом самого труда, второй продает свою рабочую силу. Это фундаментальное различие.

Отнюдь не случайно, что "деньги", используемые государством, должны обязательно иметь ту же основу, что и деньги в капиталистическом обществе. Не случайно, как объяснял Троцкий, единственные реальные деньги в России (или в любой переходной экономике - даже в идеальном государстве рабочих) должны основываться на золоте. Недавняя девальвация рубля в России сама по себе была прекрасным подтверждением того факта, что закон денежного обращения, а следовательно, и товарного обращения, сохраняет свою силу в России. В переходной экономике экономические категории денег, стоимости, прибавочной стоимости и т.д. должны непременно продолжаться, как элементы старого общества внутри нового общества.

Клифф утверждает, что "самым важным источником государственного дохода является налог с оборота, который является косвенным налогом". Он приводит интересный материал, показывающий огромное бремя, которое накладывает этот налог с оборота на массы.

Однако, налог с оборота, на который он ссылается как на доказательство эксплуатации масс, косвенным образом доказывает, что закон стоимости действует в русском обществе. Клифф показывает, как действует в России налог с оборота. Но он не видит, что этот налог должен быть основан на чем-то: чем еще может быть это, как не стоимостью продукта, общественно необходимого труда, содержащегося в нем?

Энгельс высмеял налог Дюринга тем оружием, из которого создается прибавочный продукт:

«Или, с другой стороны, якобы полученные дополнительные налоги представляют собою реальную величину стоимости, а именно эту, которая создается трудящимся, создающим стоимость классом, но присваиваемую классом капиталистов, а тогда эта величина стоимости состоит просто из неоплаченного труда; в этом случае, несмотря на человека с мечом в руке, не смотря на мнимые дополнительные налоги, мы снова приходим к марксистской теории прибавочной стоимости» («Анти-Дюринг», стр. 226).

Налог с оборота в России и другие манипуляции бюрократии никоим образом не делают недействительным закон стоимости. Какова сущность закона стоимости? Она состоит в том, что стоимость продукта определяется средним количеством общественно необходимого рабочего времени. Это должно быть отправной точкой. Стоимость неизбежно проявляется через обмен. Маркс посвятил большую часть первого тома своего "Капитала" объяснению исторического развития товарной формы от случайного обмена между дикарями через ее преобразования до товарного производства в его совершенной форме - капиталистическому производству.

Даже в классической капиталистической экономике закон стоимости не выявляется непосредственно. Как известно, товары продаются выше или ниже своей стоимости. Лишь случайно товар продается за свою фактическую стоимость. В третьем томе "Капитала" Маркс объясняет цену производства товаров: т.е. что капиталист получает только стоимость продукции плюс среднюю прибыль. Таким образом, одни капиталисты получают выше фактической стоимости, другие - ниже. Вследствие различного органического состава различных капиталов только в этой сложной форме и проявляется закон стоимости. Это достигается, конечно, через конкуренцию. Монополии - это просто более сложное развитие закона стоимости в обществе. Монополии, вследствие контроля над рынком могут установить цену выше стоимости товаров, но лишь в том случае, если другие товары продаются ниже их стоимости. Общая стоимость товаров, производимых обществом, остается таким образом той же самой.

Существовала ли прибавочная стоимость до 1928 года? Произвольная периодизация Клиффа.

В этом вопросе Клифф отнюдь не последователен. Шахтман, в его стремлении отрицать, что Россия - это переходное общество, в котором продолжают действовать капиталистические законы, так же как и законы будущего общества, по крайней мере остается последовательным. Он говорит, что закон стоимости не действует, следовательно, не действуют и все законы, проистекающие из него. Производится не прибавочная стоимость, а прибавочный продукт; рабочие продают не рабочую силу, поскольку они являются рабами и т. д. Клифф, однако, допускает наличие в СССР товарного производства, рабочей силы и прибавочной стоимости. Однако, поскольку эти марксистские категории признаются действующими в Русском обществе, то ясно, что закон стоимости должен действовать внутри него, или же вся позиция становится бессмысленной.

Все противоречие – реальное противоречие внутри самого общества, а не привнесенное произвольно извне – присуще самому понятию диктатуры пролетариата. Если рассматривать проблему абстрактно, то можно заметить, что диктатура пролетариата - это противоречивое явление: уничтожение капитализма при сохранении классов. Пролетариат не исчезает. Он поднимается до положения господствующего класса и уничтожает класс капиталистов. Однако в промежуточный период он остается рабочим классом. Поэтому, прибавочный продукт производится в форме прибавочной стоимости. Это имеет место сегодня так же, как было при Ленине и при Троцком. Разбирая концепцию Клиффа, мы должны поставить следующий вопрос: производилась ли прибавочная стоимость в то время, когда Россия все еще была рабочим государством, но с бюрократической деформацией? Что это был за процесс, посредством которого клиффовский прибавочный продукт до 1928 года загадочным образом стал прибавочной стоимостью после 1928 года? Что это был за странный, необъяснимый процесс? Здесь мы хотели бы задать вопрос: имело ли существование капитализма за пределами России до 1928 года воздействие на экономику России? Конечно, имело. Фактически, гораздо более сильное воздействие из-за слабости русской экономики. Почему же тогда в России не было капитализма?

Или далее: если оставить в стороне период 1917-1923 гг. - какова была ситуация с 1923 до 1928 гг., когда происходила консолидация сталинистской бюрократии? Тогда в экономике страны было гораздо больше фактических отдельных капиталистических элементов, чем сегодня. Давление мирового капитализма с экономической точки зрения было неоспоримо большим. Поставить эту проблему, абстрагируясь от конкретно-исторических фактов, как это делает Клифф - значит продемонстрировать произвольный метод.

Злоупотребление властью, а также законное и незаконное использование прибавочной стоимости бюрократией неизбежно происходило даже на ранних стадиях бюрократического управления. Товарищу Клиффу пришлось построить безжизненную схему, не имеющую никакого отношения к реальности, для того чтобы создать различие между этими двумя периодами: периодом, когда бюрократия представляла собою дегенеративное государство рабочих, и периодом, когда бюрократия стала классом капиталистов. Что же составляет различие, согласно Клиффу? Каким бы невероятным это ни показалось, он считает, что бюрократия действительно в определенный момент начала зарабатывать свой доход и, начиная с 1928 года стала пользоваться прибавочной стоимостью. Клифф пишет:

«Статистика, которую мы имеем в нашем распоряжении, убедительно показывает, что хотя бюрократия имела привилегированное положение в период, предшествующее пятилетнему плану, ни в коем случае нельзя сказать, что она, получила прибавочную стоимость от труда других. Так же решительно можно сказать, что с введением пятилетних планов, доход бюрократии в большой степени состоял из прибавочной стоимости» (стр. 45).

Это отличается от анализа, сделанного не только Троцким, но и другими марксистами по этой проблеме. Прежде всего, даже в самом идеальном государстве рабочих в переходный период неизбежно должно быть определенное потребление прибавочной стоимости специалистами и бюрократией. В противном случае мы имели бы немедленное введение коммунизма, без какого-либо неравенства и разделения между умственным и физическим трудом. Здесь необходимо только сослаться на анализ Лево́й Оппозиции по этой самой проблеме. Уже в 1927 году Левая Оппозиция писала об огромной части прибавочной стоимости, которой пользуется бюрократический аппарат. Она протестовала против того, что "разбухший и привилегированный аппарат присваивает очень большую часть прибавочной стоимости". (Смотри «Преданная революция» стр. 141).

Ясно, что, уже начиная с 1920 года, бюрократия потребляла значительную часть прибавочной стоимости, законно и незаконно. Как объяснял Маркс, в любом случае, в государстве рабочих в переходный период прибавочная стоимость будет использоваться для быстрого развития производительных сил и тем самым создавать базу для возможно скорейшего перехода к равенству и полному коммунизму.

Ленин в 1920 и 1921 годах отмечал, что большевики были вынуждены сделать шаг назад, платя специалистам по буржуазным стандартам и старым "буржуазным способом". Это была необходимая мера, обусловленная потребностью развития производительных сил в конкретных условиях постреволюционной России.

Экономика переходного периода от капитализма к социализму

Самым важным во всех тенденциях, которые пытаются пересмотреть позицию Троцкого по Русскому вопросу, является то, что они всегда подходят к этому вопросу абстрактно и никогда конкретно, не

объясняют законы переходного общества между капитализмом и социализмом и то, как такое общество может функционировать. Это не случайно. Конкретное рассмотрение подтолкнуло бы их к выводу, что по сути фундаментальные основы экономики в России те же самые, что и при Ленине, и что они не могли бы быть иными.

Капиталистический способ производства зародился в недрах феодализма главным образом посредством экономической деятельности независимых ремесленников и купцов. Когда он достиг определенной стадии, существовали капиталистические отношения с феодальной надстройкой. Эта надстройка взрывается революцией, и возможности, скрытые в капиталистическом производстве, получают тогда свободу для процветания, не сдерживаемую феодальными ограничениями.

Вся сущность революции (капиталистической и пролетарской) состоит в том факте, что старые производственные отношения и старые формы надстройки не соответствуют новому способу производства, новому уровню развития производительных сил.

Для того, чтобы освободиться от этих ограничений, производительные силы должны быть организованы на иной основе, и вся человеческая история и историческое движение состоит в развитии этого антагонизма на его различных стадиях в различных обществах.

Однако, буржуазная революция не разрушает феодализм немедленно одним ударом. Мощные феодальные элементы еще остаются, и до сих пор остатки феодализма существуют даже в самых высокоразвитых капиталистических странах.

Можно говорить о феодальном способе производства в смысле надстройки, несмотря на капиталистический базис, который образовался под нею. Или даже можно говорить об изначальном способе производства, где можно было едва различить зародыши капитализма и возможность развития капитализма.

Основной ошибкой теории "государственного капитализма" и ее абстракций, относящихся к переходному периоду, является ее неспособность различить способ производства и способ присвоения. В каждом классовом обществе существует эксплуатация и прибавочный продукт, который используется классом эксплуататоров. Но само по себе это ничего не говорит нам о способе производства.

Например, способ производства при капитализме характеризуется отделением непосредственного производителя от средств производства. Как писал Энгельс:

"Разделение между средствами производства, сконцентрированными в руках капиталистов с одной стороны и производителями, не имеющими сейчас ничего, кроме своей рабочей силы, с другой стороны, было закончено. Противоречие между общественным характером производства и капиталистическим (читай: индивидуальным или частным, как уже объяснял Энгельс) присвоением, проявилось как антагонизм между пролетариатом и буржуазией". («Анти-Дюринг», стр. 321).

Переходная экономика, которая, как подчеркивал Ленин, может и будет очень сильно изменяться в различных странах в различные времена и даже в одной стране в различные времена, так же имеет общественный характер производства, но с государственным присвоением, а не индивидуальным (частным) как при капитализме. Это форма, которая объединяет как социалистические, так и капиталистические черты.

При капитализме, системе идеального товарного производства, продукт полностью господствует над производителем. Это происходит из формы присвоения и противоречия между формой присвоения и общественным характером производства; оба фактора происходят из частной собственности на средства производства. Когда ее место занимает государственная собственность, независимо от того, какой может оказаться возникшая в результате система, она не может быть капитализмом, поскольку это основное противоречие устраняется. Анархический характер общественного производства исчезает вместе с частным присвоением.

При социализме так же будет общественный характер производства, но будет так же общественный характер распределения. Впервые производство и распределение будут находиться в гармонии

Следовательно, просто отметить черты капитализма в сегодняшней России (оплачиваемый зарплатой труд, товарное производство и то, что бюрократия потребляет огромную часть прибавочной стоимости) недостаточно, чтобы рассказать нам о природе общественной системы. Здесь так же необходим всесторонний взгляд. Общественные отношения в Советском Союзе можно понять только учитывая всеобщность этих отношений. С самого начала революции различные сектантские школы создавали самые бесплодные идеи в результате своей неспособности сделать такой анализ. Ленин подытожил эту проблему следующим образом:

«Но что означает слово «переход»? Означает ли оно в приложении к экономике, что современный порядок содержит элементы, частицы, фрагменты и капитализма и социализма? Каждый ответит на это утвердительно, но не каждый даст себе труд задуматься над точной природой элементов составляющих различные социально-экономические формы, существующие в России в настоящее время. Это и является сутью вопроса». («О левом ребячестве и мелкобуржуазности.» Избранные произведения том 27, стр. 335).

Выделение одной стороны должно привести к ошибке. Что является загадочным в Русском феномене, так это именно противоречивый характер экономики. Эта загадочность еще более усугублялась отсталостью и изоляцией Советского Союза. Кульминации этот противоречивый характер достиг в тоталитарном Сталинском режиме и привел к выходу на передний план самых негативных черт капитализма – неравноправных отношений между управляющими и рабочими, сдельщиной и т.д. Вместо анализа этих противоречий товарищ Клифф предпочитает, насколько это возможно, попытаться подогнать их под образцы «нормальных» законов капиталистического производства.

Кроме того, тенденция производительных сил при капитализме стать не только централизованными, но даже в значительной мере регулируемы государством, может привести к неправильному выводу. Чтобы доказать, что "государственный капитализм" в России, в конце концов, является тем же, что и государственно-монополистический капитализм с теми же самыми законами, Клифф приводит следующий отрывок из «Анти-Дюринга».

"Чем больше производительных сил оно (т.е. государство) берет на себя, тем больше оно становится реальным коллективным органом всех капиталистов, тем больше граждан оно эксплуатирует. Рабочие остаются людьми, работающими за зарплату, пролетариями. Капиталистические отношения не ликвидируются, они скорее доводятся до крайности. Но эта крайность изменяется в свою противоположность. Государственная собственность на производительные силы не является решением конфликта, а содержит в себе формальные средства, ключ к решению. («Анти-Дюринг», стр. 330)

Фактически, Энгельс утверждает прямо противоположное выводам Клиффа. Давайте еще раз проанализируем эти строки и увидим, что мы приходим к различным выводам:

«Если кризис выявил неспособность буржуазии контролировать далее современные производительные силы, конверсию крупных организаций, то перепроизводство и объединение в компании с СОВМЕСТНЫМ КАПИТАЛОМ, а так же государственная собственность показывает, что для этой цели можно обойтись без буржуазии. Все социальные функции капиталистов теперь выполняются оплачиваемыми служащими. Капиталист больше не имеет никакой общественной деятельности, кроме прикармливания доходов, стрижки купонов и игры на бирже, где различные капиталисты вымогают капитал друг у друга. Точно так же как сначала капиталистический способ производства вытеснил рабочих, так теперь он вытеснил капиталистов, переведя их, как он сделал это с рабочими, в избыточное население, даже если в первом случае не в промышленную резервную армию.

Однако, ни конверсия в компании с объединенным капиталом ни в государственную собственность не лишает производительные силы их характера как капитала. В случае компаний с объединенным капиталом это очевидно. И современное государство, так же является всего лишь организацией, которой обеспечивает себя буржуазное общество, для того, чтобы сохранить общие внешние условия капиталистического способа производства от посягательств рабочих или отдельных капиталистов. Современное государство, независимо от его формы, является, в сущности, капиталистической машиной; это государство капиталистов, идеальный коллективный орган всех капиталистов. Чем больше производительных сил оно берет под свой контроль как свою собственность, тем больше граждан оно эксплуатирует. Рабочие остаются зарабатывателями зарплаты, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, они скорее доводятся до экстрема. Но в этом экстреме они трансформируются в свою противоположность. Государственная собственность на средства производства не является решением этого конфликта, но содержит в себе формальное средство, ключ к решению. (Анти-Дюринг, стр. 330. подчеркнуто нами.)

Несомненно, идея вышесказанного ясна. Поскольку производительные силы сейчас переросли рамки капиталистических производственных отношений (т.е. зародыш противоречий сейчас перерос в зловещественное заболевание общественной системы, отражающееся в кризисах), капиталисты вынуждены "социализировать" средства производства - сначала через совместные компании и позднее даже «огосударствлять» часть производительных сил. Эта идея была отчетливо выражена Лениным в "Империализме", где он показал, что развитие монополий и социализация труда фактически являются элементами новой социальной системы внутри старой.

Как только производительные силы достигли этой стадии развития, капитализм заканчивает свою историческую миссию, и вследствие этого буржуазия становится все более и более излишней. Будучи прежде необходимыми, для развития производительных сил, теперь капиталисты становятся "лишними", "паразитами", "стригущими купоны". Они трансформировались в паразитов таким же образом, и по той же самой причине, что и феодальные помещики, превратившиеся в паразитов, когда их миссия была выполнена.

Социализация средств производства, рост роли государства в экономике - признак зрелости, готовности капитализма к социальной революции. В "Капитале" Маркс показал, что кредит и компании с совместным капиталом являются признаком того, что производительные силы переросли частную собственность. Энгельс показал, что общественные производительные силы даже заставляют капиталистов признать их характер именно как общественных, а не индивидуальных производительных сил.

Где бы капиталистическое государство ни стремилось взять на себя тот или другой сектор экономики, остается справедливым, что производительные силы не теряют свой характер капитала. Однако, вся сущность этой проблемы состоит в том, что там, где мы имеем полное огосударствление, количество переходит в качество, капитализм превращается в свою противоположность.

Как иначе можно объяснить утверждение Энгельса: «Но в этой крайности они (т.е. капиталистические отношения) перерастают в свою противоположность. Государственная собственность на производительные силы не является решением этого конфликта, но она содержит в себе формальное средство, ключ к решению».

Приведенный выше отрывок расположен в том же самом разделе, где Энгельс определяет капиталистический способ производства как общественное производство и индивидуальное присвоение, и мы, принимая выводы Клиффа, должны сделать вывод, что Энгельс безнадежно противоречит сам себе. Но из контекста ясно, что имел в виду Энгельс. Он объясняет, что решение противоречий капитализма заключается в признании общественного характера современных производительных сил: "в приведении способа производства, присвоения и обмена в соответствие с общественным характером средств производства". Но он показывает, что это "признание" состоит именно в установлении сознательной организации и планирования, вместо слепой игры рыночных сил на основе частной собственности. Это, однако, не может быть сделано одним махом. Лишь "постепенно" можно полностью установить общественный контроль над хозяйственной жизнью. Переходной формой к этому является государственная собственность. Однако полная государственная собственность не устраняет все черты капитализма сразу, иначе возникла бы общественная собственность, т.е. социализм был бы введен немедленно.

Но точно также, как мы имеем новое внутри старой системы, так и в переходном обществе мы имеем старое внутри нового общества. Полное огосударствление означает предел капитала. Капиталистические отношения превратились в свою противоположность. Элементы нового общества, выросшие внутри старого, теперь становятся господствующими.

Что вызывает конфликт внутри капитализма, так это тот факт, что законы проявляют себя вслепую. Но, как только вся промышленность национализирована, впервые непосредственные производители могут сознательно осуществлять контроль и планирование. Однако, на первых стадиях контроль и планирование существуют в определенных пределах. Эти пределы будут определяться уровнем техники общества, в котором победит новый общественный порядок.

Общество не может перейти из царства необходимости в царство свободы внезапно. Только на основе безграничного развития производительных сил свобода, в самом полном её выражении, станет реальностью. Будет достигнута стадия развития человечества, когда не вещи будут «править» людьми, а люди будут «править» вещами.

Прежде чем будет достигнута такая стадия, общество должно пройти через переходный период. Но также как и немедленно после уничтожения частной собственности впервые становятся возможными контроль и планирование, также впервые оставляется позади и царство необходимости. Однако, хотя теперь и возможно говорить о "свободе", то это лишь в том смысле, что необходимость стала сознательно признаваться. Об этой стадии (переходный период) Энгельс говорил:

"Общественный характер средств производства и продуктов... совершенно сознательно устанавливается производителями и трансформируется из источника беспорядка и периодических кризисов в наиболее могущественный фактор самого производства.

Силы, действующие в обществе, работают точно также, как и силы природы: слепо, произвольно, разрушительно, пока мы не поймем их и не будем принимать их в расчет. Но как только мы признаем их и поймем, как они работают, поймем их направление и их действие, постепенное подчинение их нашей воле и использование их для достижения наших целей зависит целиком от нас сами. И это вполне и

особенно справедливо для мощных производительных сил сегодняшнего времени". (Анти-Дюринг, стр. 331, подчеркнуто нами).

Энгельс, цитируя Гегеля, далее следующим образом обобщает отношения между свободой, необходимостью и переходным периодом.

«Свобода - это реализация необходимости. Необходимость слепа лишь постольку, поскольку её не понимают». (Анти-Дюринг, стр.136)

Маркс и Энгельс только коснулись противоречивого характера переходного периода. Они изложили только основные законы, оставив подробную разработку последующим поколениям. Однако они ясно показали необходимость государственной собственности как необходимого переходного состояния для развития производительных сил. Энгельс объяснил необходимость государства в течение этой стадии по двум причинам:

- 1) Принять меры против старого правящего класса;
- 2) Потому что переходное общество не может немедленно гарантировать достаток для всех.

Тезис Клиффа основан на том, что в переходный период во внутренней экономике якобы не существует остатков капитализма. В то время как товарищ Клифф страстно утверждает, что согласен с необходимостью государства в переходный период, очевидно, что он не думал об экономических причинах, которые делают государство необходимым, и о том, какой характер приобретает экономика в этот период. Прежде чем социализм мог бы полностью развиваться, обязательно должно иметь место огромное развитие производительных сил, намного большее, чем при капитализме.

Как писал Троцкий, даже в Америке производство еще не достигло уровня, достаточного, чтобы гарантировать немедленное введение полного, развитого социализма. Следовательно, все еще должен иметь место переходный период, во время которого капиталистические законы будут действовать в модифицированной форме. Конечно, в Америке этот период был бы относительно коротким, но просто перепрыгнуть эту стадию невозможно. Какие капиталистические законы останутся? Товарищ Клифф не только не сумел ответить на это, но и попал в ловушку бюрократического коллективизма, так и не поняв, что деньги, рабочая сила, существование рабочего класса, прибавочной стоимости и т.д. - все эти пережитки старой капиталистической системы - присутствовали даже при Ленине. Невозможно ввести немедленно прямое общественное производство и распределение. Особенно в отсталой России.

В письме к Конраду Шмидту в 1890 году Энгельс дал превосходный пример тщательного материалистического подхода к проблеме экономики переходного от капитализма к социализму периода. Он писал:

"В "Народной Трибуне" проходила дискуссия о разделении продукции в обществе будущего, будет ли она происходить согласно количеству проделанной работы или как-нибудь иначе. К этому вопросу подошли очень "материалистически", в противоположность определенным идеалистическим формам фразеологии о справедливости. Но довольно странно, никого никогда не удивляло, что, в конце концов, метод распределения в основном зависит от того, сколько можно распределять, и что это, конечно, должно изменяться с развитием производства и социальной организации, так что метод распределения также мог измениться. Но для всех, принявших участие в этой дискуссии, "социалистическое общество" представляется не вовлеченным в постоянное изменение и прогресс, а как стабильная организация, установившаяся раз и навсегда, которая должна поэтому иметь свой собственный метод распределения, установленный раз и навсегда. Однако, практически всё, что можно сделать, это: (1) попытаться найти метод распределения, который следует использовать в начале; и (2) попытаться найти общую тенденцию, по которой будет происходить дальнейшее развитие. Но обо всем этом я не нашел ни единого слова в дебатах" (Маркс, Энгельс, избранные переписка, Прогресс, Москва, 1975, стр.393).

В «Анти-Дюринге» Энгельс писал:

«Прямое общественное производство и прямое распределение исключают какой-либо обмен товаров, а следовательно и превращение продукта в товар (во всяком случае внутри данного общества), и далее, как следствие, его трансформацию в стоимость» («Анти-Дюринг», стр. 366. подчеркнуто нами.)

Однако, это может быть реализовано только при социализме. В переходный период распределение все еще остается опосредованным - лишь постепенно общество получает полный контроль над продуктом – и, следовательно, обязательно должно иметь место производство товаров и обмен между различными секторами производства. Закон стоимости действует и должен действовать до тех пор, пока отсутствует прямой доступ производителей к продукту своего труда. Этот прямой доступ может быть установлен только на основе полного контроля над общественным производством, и

предполагает прямое общественное распределение, а именно, каждый человек берет то, что ему нужно. Маркс затрагивает эту проблему "мимоходом в томе III "Капитала" (Глава 49), где рассматривает проблему капиталистического производства в целом:

"Следовательно, доля прибыли, прибавочной стоимости и прибавочного продукта, в которой представлен только вновь прибавленный труд, насколько это касается его стоимости, служит гарантийным фондом. Это также единственная часть прибавочной стоимости и прибавочного продукта, а, следовательно, и прибавочного труда, которая будет продолжать существовать за пределами той части, которая служит для накопления и для расширения процесса воспроизводства, даже после уничтожения капиталистической системы..." как и тот факт, что весь новый капитал возникает из прибыли, ренты или других форм дохода, т.е. из прибавочного труда. ("Капитал", том III Прогресс, Москва, 1971, стр.847-848. подчеркнуто нами).

В этой главе Маркс, в анализе процесса производства, рассматривает, по его собственным словам, «стоимость всего годового продукта труда, иными словами, стоимость продукта всего общественного капитала».

Повторяя этот тезис в той же самой главе (отвечая одному из буржуазных экономистов, Сторху), он заявляет:

«Во-первых, совершенно неправильно рассматривать нацию, способ производства которой основывается на стоимости или какой-либо иной капиталистической организованности, как единый орган, работающий для удовлетворения своих национальных потребностей.

Во-вторых, после отмены капиталистического способа производства, но при все еще общественном производстве определение стоимости продолжает превалировать в такой форме, что регулирование рабочего времени и распределение общественного продукта среди различных групп производства, а также и ведение бухгалтерских книг в связи с этим становятся более важным, чем когда-либо. (Капитал, том III. стр.851. подчеркнуто нами).

Этот довод совпадает с отдельными замечаниями Маркса и Энгельса, сделанными в разное время по вопросу о переходном периоде, где Энгельс объясняет, что при капитализме компании с совместным капиталом и государственная собственность находятся за рамками, строго говоря, капиталистического производства, и где Маркс уже показал, что кредит также расширяет производство за пределы рамок капитализма даже до перехода к диктатуре пролетариата. Маркс считал, как показано в вышеприведенных отрывках, а также в "Критике Готской Программы", что даже после установления диктатуры пролетариата, буржуазный закон, буржуазное распределение и в этом смысле буржуазное государство еще остаются.

Рассматривая роль денег и государства в переходный период, Троцкий развил эту идею ещё дальше:

"Эти две проблемы, государство и деньги, имеют ряд общих особенностей, т.к. обе они сводятся, в конце концов, к проблеме проблем - производительности труда. Государственное принуждение, как и денежное принуждение, является наследием классового общества, которое неспособно определить отношение человека к человеку иначе, чем в форме фетишей, церковных или светских, после договоренности защищать их, и самый опасный из всех фетишей, государство, с большим ножом в зубах. В коммунистическом обществе государство и деньги исчезнут. Их постепенное отмирание должно, следовательно, начаться при социализме только в тот исторический момент, когда государство превратится в полу государство, и деньги начнут терять свою магическую силу. Это будет означать, что социализм, освободившись от капиталистических фетишей, начинает создавать более свободные и достойные отношения между людьми. Такие типично анархические требования как "отмена денег", "отмена зарплаты" или "ликвидация" государства и семьи представляют интерес просто как модели механического мышления. Деньги не могут быть произвольно "отменены", так же как не могут быть "ликвидированы" государство и традиционная семья. Они должны исчерпать свою историческую миссию испариться и отпасть. Смертельный удар денежному фетишизму может быть нанесен только после той стадии, когда постоянный рост благосостояния заставит нас совершенно забыть наше скаредное отношение к каждой лишней минуте труда и наш унижительный страх за размер нашего рациона. Потеряв свою способность приносить счастье или втоптывать человека в грязь, деньги превратятся просто в бухгалтерские бумажки для удобства статистики и для планирования. В ещё более отдаленном будущем, возможно, они будут ненужными и для этих целей. Но мы можем оставить этот вопрос полностью для потомков, которые будут, несомненно, умнее нас. Национализация средств производства и кредит, кооперирование и огосударствление внутренней торговли, монополия внешней торговли, закон о наследовании - ставят строгие пределы личному накоплению денег и препятствуют их превращению в частный капитал (ростовщический, коммерческий и промышленный). Однако, эти функции денег, связанные с эксплуатацией, не ликвидируются в начале пролетарской революции, а в измененной форме передаются государству, универсальному торговцу, кредитору и промышленнику. В то же время, более элементарные функции денег, как меры стоимости,

средства обмена и средства оплаты не только сохраняются, но и приобретают более широкое поле деятельности, чем они имели при капитализме". («Преданная революция», стр.65-66. подчеркнуто в оригинале).

Подведем итоги. В то время как до отмены частной собственности на средства производства рынок господствует над человеком, беспомощным перед законами экономики, которую он сам создал, после ее отмены он впервые начинает сознательно устанавливать контроль над экономической жизнью. Однако, сознательность здесь просто означает признание закона, а не отмену его. Особенностью переходного периода является то, что поскольку человек теперь понимает характер производительных сил, он понимает, в какой степени может их контролировать. Но он не может перейти границы данной стадии развития производительных сил. Однако теперь, когда производительные силы освобождены от оков индивидуального капиталистического производства, они могут развиваться с такой скоростью и размахом, что очень быстро могут перейти от государственной собственности как промежуточной формы в общественную собственность. Когда эта стадия (социализм) достигнута, впервые наступает действительное общественное производство и распределение. Деньги отмирают, закон стоимости отмирает, государство отмирает, другими словами, все силы принуждения, которые являются необходимым отражением пределов техники и развития производства на любой данной стадии, теперь исчезают с исчезновением разделения труда. До того времени все упомянутые выше черты, переходящие от старого капиталистического общества, сохраняются и в переходном периоде.

Позиция товарища Клиффа, также как и Шахмана и всех других, кто ревизовал позицию Троцкого о характере существующего в СССР строя, страдает пробелами и внутренними противоречиями, и по очень ясной причине. Если рассматривать теорию переходной стадии от капитализма к социализму в свете Русского опыта, то есть только два вывода: либо Россия сегодня все еще находится в переходной стадии, которая приняла чудовищные искаженные формы, либо Россия никогда не была государством рабочих с самого начала. Другой альтернативы нет.

Марксистская теория государства. Два класса, одно государство - противоречие Клиффа.

В первой главе своей работы товарищ Клифф пытается доказать, что анализ русского государства Троцким противоречит теории государства, созданной Марксом и развитой далее Лениным.

Эта глава содержит разработанную схему, которая имеет своей целью доказать, что два класса не могут использовать одну и ту же государственную машину. Здесь Клифф считает, что он нашел фундаментальную ошибку у Троцкого. Взяв идеи, созданные Стариком в различное время и при различных обстоятельствах, он противопоставляет их друг другу. Он берет, например, цитату из Троцкого периода ранней стадии дегенерации бюрократии и исключения Левой Оппозиции, когда Троцкий высказывался за реформу советского государства, а также за реформу Партии Большевиков, которая управляла государством. (Именно тогда Троцкий написал письмо в ЦК КПСС, требуя устранения Сталина). Кто может отрицать, что если бы международные события развивались по-иному, то теоретически было бы возможно, что Партия Большевиков смела бюрократию и восстановила здоровое государство рабочих?

Клифф противопоставляет этому другую цитату из "Преданной революции", в которой Троцкий говорит, что если русские рабочие придут к власти, то они произведут чистку государственного аппарата, а "если к власти придет буржуазия, то и в этом случае будет конечно необходима чистка государственного аппарата. Но буржуазная реставрация, по-видимому, уволила бы меньше людей, чем революционная партия", Клифф комментирует это так:

"Если мы предположим, что пролетариат должен сломать существующую государственную машину, придя к власти, в то время как буржуазия может использовать ее, или если мы предположим, что ни пролетариат, ни буржуазия не может использовать существующий государственный аппарат (чистка государственного аппарата неизбежно вызывает такие глубокие изменения, которые вызывают переход количества в качество) - при этих двух предположениях мы должны прийти к выводу, что Россия не является государством рабочих. Предположить, что пролетариат и буржуазия могут использовать одну и ту же государственную машину как инструмент своего господства равноценно подтверждению теоретической основы социал-демократии и отрицанию революционной концепции государства, разработанной Марксом, Энгельсом, Лениным и Троцким. Предположить, что различные слои, группы или партии одного и того же класса не могут базироваться на одной и той же государственной машине равноценно отрицанию Марксистской концепции государства" (Клифф, стр.4).

Этот формалистический, антидиалектический метод является фатальной слабостью теории Клиффа. Троцкий в период легальной борьбы Левой Оппозиции не мог рассматривать эту проблему абстрактно. Ему пришлось иметь дело с конкретной ситуацией и дать конкретный ответ. Однако дальнейшая дегенерация поставила этот вопрос совершенно иным образом. Когда было установлено, что невозможно реформировать партию сталинистов, что невозможно реформировать Советское государство (мы полагаем, что Клифф также считает, что это было необходимостью, т.к. он говорил, что Россия до 1928 года была дегенерированным государством рабочих), тогда возникла необходимость рассмотреть этот вопрос в несколько ином свете. Марксистскому методу чуждо стремление искать изолированные противоречия, реальные или мнимые. Необходимо исследование общественной практики в ее всеобщем развитии, в ее движении, в ее противоречиях.

Однако, давайте исследуем собственный ход мысли Клиффа по этому вопросу. Он также не может избежать той самой ловушки, которую он закладывает для Троцкого. Глава 1 (не менее 18 страниц) посвящена доказательству того, что два правящих класса не могут использовать одно государство. Но тогда глава 4 совершает чудо! Пропасть невозможного преодолена! И класс капиталистов, и пролетариат России, оказывается, использовали одну и ту же государственную машину!

Почему? Потому, что согласно Клиффу, с 1928 г. советская бюрократия стала присваивать прибавочную стоимость в качестве нового класса эксплуататоров. Понимая эту дилемму, Клифф вынужден выдвинуть нечто действительно новое и уникальное: то, что бюрократия не потребляла прибавочную стоимость до 1928 года, но с введением Пятилетнего плана государство превратилось из государства рабочих в капиталистическое государство. Любой враг Четвертого Интернационала мог бы немедленно возразить, что государство Сталина в таком случае является просто расширением и углублением государства Ленина, поскольку в экономическом смысле фундаментально ничего не изменилось. Мы говорили об этом в предыдущих главах. Очень важно, что Клифф строит свою теорию только на политико-экономическом аргументе, - и это удивительно. Несмотря на заглавие его первой главы: «Исследование определения России как дегенеративного рабочего государства», он вообще не касается вопроса надстройки ни здесь, ни в какой-либо другой главе. Вот как Клифф видит переход от государства рабочих к капиталистическому государству:

"Статистика, имеющаяся в нашем распоряжении, убедительно показывает, что хотя бюрократия имела привилегированное положение в период, предшествующий пятилетнему плану, ни в коем случае нельзя сказать, что она получала прибавочную стоимость от труда других. Также решительно можно сказать, что с введением пятилетних планов, доход бюрократии состоял в значительной степени из прибавочной стоимости. (Клифф, стр.45).

Другими словами, Клифф видит переход от одной системы к другой не в разрушении государственной машины. Как же это тогда можно согласовать с его схемой в Главе 1?

Попытка Клиффа создать искусственный мост между государством рабочих и капиталистическим государством, поскольку он не мог сделать вывод о сломе диктатуры пролетариата, привела его к поискам экономических различий между двумя периодами - до 1928 и после 1928 г. . Здесь он приходит к наиболее формалистическому и абстрактному пониманию рабочего государства в период его существования до 1928 года. Как мы уже показали в предыдущих главах, даже в самых здоровых рабочих государствах, согласно Марксу, прибавочная стоимость должна обязательно производиться для того, чтобы развивать промышленность вплоть до того момента, когда государство, деньги, сам пролетариат и все пережитки капитализма исчезнут. Пока рабочий класс существует как класс, прибавочная стоимость будет производиться.

Заявление Левой Оппозиции в 1927 г. указывало, что бюрократия потребляет огромную часть прибавочной стоимости. Метод раскрытия этой темы Клиффом совершенно неверен. Вместо того, чтобы поставить перед собой задачу доказать этот тезис, он просто делает предположения и рассматривает их как доказанные. То, что Глава 4 противоречит во всем Главе 1 - это другое дело! Только посмотрите, как товарищ Клифф подводит итоги в этой Главе 4, в которой он открыто заявляет, что «переход достигнут без революции и без разрушения государственной машины». Он начинает:

"В этой главе мы опишем изменение классово-природы Русского государства из государства рабочих в капиталистическое. Мы сделаем это, рассмотрев следующие моменты..." (Клифф, стр.33).

Далее он переходит к детальному рассмотрению ряда экономических изменений, не имеющих ничего общего со структурой изменения государственной власти, и заканчивает разделом: "Почему пятилетний план означает превращение бюрократии в правящий класс". Все экономические аргументы в этой главе не имеют ничего общего с проблемой надстройки, государством и его трансформацией.

Далее Клифф касается дифференциации в армии, введения привилегий для офицеров, военной дисциплины и т.д. Здесь он просто повторяет то, что тысячу раз говорил Троцкий о превращении бюрократии в неконтролируемую паразитическую касту. Но давайте посмотрим его выводы. Он пишет:

«Пятилетний план снова отмечает поворотный пункт, когда организация и структура армии начали фундаментально изменяться. Из армии рабочих с бюрократической деформацией она стала вооруженным органом бюрократии как правящего класса...» (стр. 59).

Теперь давайте посмотрим, исключает ли постепенную контрреволюцию то, что исключает постепенную социальную революцию.

«Если солдаты в иерархически построенной армии стремятся к решительному контролю над армией, они немедленно сталкиваются с оппозицией офицерской касты. Нет такого способа устранить такую касту кроме как путем революционного насилия. В противовес этому, если офицеры народной милиции становятся все менее и менее зависимыми от воли солдат, что они могут сделать, если не встречаются с конституционной бюрократией, то их превращение в офицерскую касту независимо от солдат может происходить постепенно. Переход от кадровой армии к милиции не может не сопровождаться огромным взрывом революционного насилия; с другой стороны, переход от милиции к кадровой армии, в той степени, в какой он является результатом тенденций внутри самой милиции, может и должен быть постепенным. Оппозиция солдат к возвышающейся бюрократии может привести последнюю к использованию насилия против солдат. Но это не исключает возможность постепенного перехода от милиции к кадровой армии. Что применимо к армии, то в равной степени применимо и к государству. Государство без бюрократии или со слабой бюрократией, зависящее от давления масс постепенно может превратиться в государство, в котором бюрократия свободна от контроля рабочих». (Клифф, стр.82. подчеркнуто нами).

Теперь Клифф пытается доказать, что может иметь место постепенный переход от государства рабочих к капиталистическому государству и заканчивает свою статью цитатой не из кого иного, как из ...Троцкого которого он так безжалостно развенчал как авторитет по этому вопросу в Главе 1.

Клифф пишет:

"Московские "тройки" * были гражданской войной бюрократии против масс, войной, в которой только одна сторона была вооружена и организована. Они были свидетелями полного освобождения бюрократии от народного контроля. Троцкий, который думал, что Московские "тройки" и "Конституция" были шагами к реставрации частного капитализма легальными средствами, позднее взял назад свой аргумент, что постепенный переход от пролетарского к буржуазному государству "крутит назад фильм о реформизме". Он писал:

"В действительности, новая конституция открывает для бюрократии "легальные" пути к экономической контрреволюции, т.е. к реставрации капитализма посредством "Холодного удара" ("Четвертый Интернационал и Советский Союз", Тезисы, принятые Первой Интернациональной Конференцией за Четвертый Интернационал, Женева, Июль 1936.) (Клифф, стр.82).

Здесь мы видим наглядный пример противоречивости концепции Клиффа и неправильности его метода. Начиная с вывода, что Троцкий - не марксист, поскольку он говорит, что два класса могут использовать одну государственную машину, Клифф заканчивает, говоря точно то же самое, и используя в качестве авторитета того же Троцкого.

** Московские "тройки" 1936 и 38 годов были чудовищными беззакониями, приведшими к физическому уничтожению целого поколения революционеров и противников бюрократии. В 1936 году Сталин предложил новую конституцию - она была принята в июле 1936, и это совпало с началом Испанской Гражданской войны - бюрократия боялась далеко идущих последствий для СССР.*

Национализация и государство рабочих

На стр. 2 своей работы Клифф приводит цитату из «Преданной революции» :

«Национализация земли, средств промышленного производства, транспорта и обмена, вместе с монополией внешней торговли, составляет основу советского общественного строя. Через эти отношения, установленные пролетарской революцией, природа Советского Союза как пролетарского государства для нас в основном определена». (Преданная революция. стр.248).

Один из выводов Клиффа - это то, что в этом случае «ни Парижская Коммуна, ни диктатура большевиков не были государством рабочих т.к. первая не огосударствляла средства производства вообще, а последняя не делала этого в течение некоторого времени». Здесь мы видим, что Клифф основывает свою теорию на том, контролирует ли рабочий класс государственную машину. Мы коснемся вопроса рабочего контроля в следующей главе. Но здесь мы исследуем доводы Клиффа для отделения экономической основы государства рабочих от вопроса рабочего контроля над

государственной машиной. На некоторый период времени, более или менее длительный, пролетариату было бы возможно взять политическую власть, не переходя к экономической трансформации общества. Таково было положение в России, где пролетариат взял власть в Октябре 1917 года, но не предпринял крупной национализации, до тех пор, пока его не заставили это сделать в 1918г. Но если пролетариат не сумел бы провести экономические преобразования, то пролетарский режим был бы неизбежно обречен на провал. Экономические законы всегда будут играть определяющую роль. Или пролетариат сумеет национализировать всю экономику, или капиталистическая система возьмет верх.

Клифф не сумел показать, как могли бы функционировать основные формы Русской экономики если бы Россия была бы здоровым государством рабочих. Он нашел прибежище в прибавочной стоимости, потребляемой бюрократией, но это уводит нас от главной темы.

Не лучше обстоит дело и с тезисом Клиффа, апеллирующем к опыту Парижской Коммуны и первой стадии Русской революции. Приведенные нами аргументы таким же образом применимы и к ним. Эти режимы были переходом к полному экономическому правлению (господству) пролетариата. Такие переходы более или менее неизбежны при превращении одного общественного строя в другой. Как в случае с Коммуной, так и в случае с Русской Революцией они не смогли бы долго просуществовать, если бы пролетариат не сумел национализировать промышленность. Неужели Клифф забыл, что одним из главных уроков, данных Марксом и послушно заученных большевиками, была задержка Коммуны в деле национализации Французского банка? На этих примерах мы видим, что государство может быть пролетарским на основе политической власти, или же оно может быть пролетарским на основе экономики, или же оно может быть переходом к обоим, как мы далее покажем.

Те же самые законы применимы и к контрреволюции со стороны буржуазии. Старик правильно утверждал, что в случае буржуазной контрреволюции в России, буржуазия могла бы на время даже сохранить государственную собственность до ее разрушения и передаче ее в частную собственность. Ученому может показаться тогда, что вы можете иметь государство рабочих и буржуазное государство на основе частной собственности.

Однако очевидно, что к такому способу мышления можно было придти, только если не суметь принять во внимание движение общества в том или другом направлении.

Не только это, но и все типы непредвиденных отношений могут развиваться, будучи обусловлены классовой структурой общества и государства.

Возьмем за пример Россию. В 1917 году вплоть до получения власти в Советах большевиками, мы имели ситуацию, обрисованную Троцким в работе "История Русской Революции", где, вследствие большинства меньшевиков буржуазия в некотором смысле управляла через Советы - органы рабочего управления. Если принять схему Клиффа, как могло это случиться? Конечно, если бы большевики не взяли власть, буржуазия, используя меньшевиков и через них советы, в переходный период устранила бы сами советы, как она это сделала в Германии после 1918 года.

Ясно, что при переходе от одного общества к другому не существует непреодолимой пропасти. Ясно, что когда Маркс говорил об уничтожении старой государственной формы по отношению к Коммуне, он принимал как должное, что экономика будет трансформироваться с большей или меньшей скоростью и будет согласовываться с новыми политическими формами. Мы увидим позднее, на примере проблемы Восточной Европы, что и там Клифф использует все тот же формалистический метод.

Диалектическая концепция государства

Здесь пора уже коснуться природы государства. Согласно марксистской теории, государство возникает как необходимый инструмент для угнетения одного класса другим. Государство, в конце концов, как объясняли Маркс и Энгельс, состоит из вооруженных органов и их придатков. Это сущность марксистского определения государства. Однако, нужно быть осторожным в использовании этих широких марксистских обобщений, которые несомненно правильны в абсолютном смысле. Истина всегда конкретна, и, если не анализировать конкретные обстоятельства, то неизбежно впадение в абстракции и ошибки. Посмотрите, как осторожно обращается Энгельс с вопросом о природе государства даже на высоком уровне абстракции. В работе "Происхождение семьи, частной собственности и государства" Энгельс писал:

"Но для того, чтобы эти антагонизмы, классы с конфликтными экономическими интересами не уничтожили себя и общество в бесплодной борьбе, власть, очевидно стоящая над обществом, стала необходимой для уменьшения конфликта и поддержания его в границах "порядка", и эта власть, возникшая из общества, но и вставшая над ним и все более отстраняющаяся от него, есть государство». («Происхождение семьи», Лондон, 1946, стр.194).

Наследующей странице он продолжает:

«...достаточно посмотреть на Европу сегодня, где классовая борьба и конкуренция привели общественную силу к пропасти, где она угрожает ликвидировать все общество и само государство».

Энгельс говорит, что, возникнув однажды, государство, внутри определенных границ, развивает собственное независимое движение и должно неизбежно делать это в данных условиях:

«Обладая общественной властью и правом налогообложения, чиновники сейчас представляют себя как общественные органы, стоящие над обществом». (Подчеркнуто в оригинале).

В противоположность концепции Клиффа, что государство играет роль органа правящего класса *непосредственно*, можно увидеть методичную тщательность, с которой Энгельс рассматривает вопрос о *независимой* (относительно конечно) роли государства по отношению к обществу. Во всех материалах Клиффа тот факт, что государство в данных условиях может играть и играет сравнительно независимую роль в борьбе между классами, совершенно забыт. Его схема является «логической», а не диалектической: или это государство рабочих, непосредственно контролируемое рабочими, или это должно быть капиталистическое государство. В методе Клиффа нет места для взаимодействия сил. И снова сравнение с Энгельсом:

"Когда государство возникло из необходимости держать под контролем классовый антагонизм и возникло в гуще борьбы между классами, то обычно это государство самого мощного, экономически господствующего класса, который своими средствами становится также политически правящим классом, и таким образом приобретает новое средство подавления и эксплуатации угнетенного класса... Однако встречаются исключительные периоды, когда враждующие классы равны по силе, и государственная власть, как мнимый посредник, приобретает на какой-то момент определенную независимость по отношению к обоим" (стр.196. подчеркнуто нами).

Далее, на стр. 201 Энгельс писал:

" Центральным звеном в цивилизованном обществе является государство, которое во все типичные периоды (подчеркнуто нами) без исключения является государством правящего класса, и во всех случаях продолжает в основном оставаться машиной для подавления угнетенного, эксплуатируемого класса".

Отметьте разницу между черно-белыми формулами Клиффа и осторожными формулировками Энгельса ... "обычно", в "типичные периоды" и т.д.

Почему же пролетариат не может взять себе готовую государственную машину? Не по мистическим причинам, но из-за определенных, конкретных фактов. В современном государстве все ключевые позиции находятся в руках тех людей, которые находятся под контролем правящего класса: они социально отобраны образованием, мировоззрением и условиями жизни, для того, чтобы служить интересам буржуазии. Армейские офицеры (особенно высокого ранга), гражданские служащие, основные технические специалисты в национализированной промышленности, едины в своих идеях, в своей перспективе служить интересам класса капиталистов. Все командные позиции в обществе отданы в руки людей, которым буржуазия может доверять. Это причина, почему государственная машина является инструментом в руках буржуазии, и не может быть использована пролетариатом, а должна быть разрушена им. Теперь, что означает уничтожение государственной машины? Мягко говоря, идеи Клиффа по этому вопросу кажутся очень туманными.

Возможно, что многие, может быть даже большинство, служащих буржуазного государства будут использованы пролетариатом, как только он возьмет власть. Но они будут подчиняться комитетам и организациям рабочих. Например, в Советском Союзе, в первые дни после того, как была распущена Царская Армия, Красной Армией командовали бывшие царские офицеры. Также и в государственном аппарате часть служащих были бывшими царскими чиновниками. Из-за неблагоприятных исторических факторов это обстоятельство сыграло позднее важную роль в дегенерации советского государства. Не случайно Ленин говорил, что советское государство - это "буржуазная царская машина, просто прикрашенная социализмом" (к сожалению, эта честная характеристика очень далека от идеализированной и фальшивой картины советского государства при Ленине и Троцком, нарисованной Клиффом, при которой почти невозможно понять, как мог начаться процесс дегенерации).

Пролетариат, согласно классической марксистской концепции, уничтожает старую государственную машину и начинает создавать переходное государство. Тем не менее, это переходное государство вынуждено использовать старых техников-специалистов. Однако, государство, даже в наилучших условиях, скажем, в развитой стране с образованным, грамотным пролетариатом, остается буржуазным инструментом, и ему присуща потенциальная возможность дегенерации. По этой причине марксисты настаивают на контроле масс над государством, чтобы гарантировать невозможность превращения государства в независимую силу, грозящую реставрацией капитализма. Государство должно раствориться в обществе и как можно скорее.

По этим самым изложенным выше причинам, при определенных условиях, государство получает определенную независимость от классовой основы, которую оно первоначально представляло. Энгельс объяснял, что хотя «надстройка» зависит от экономического базиса, она, тем не менее, имеет свое собственное независимое движение. В течение довольно длительного периода может иметь место конфликт между государством и классом, который это государство представляет. Вот почему Энгельс говорит о государстве, как об «обычно» или в «типичные периоды» непосредственно представляющем правящий класс органе. Великие марксистские учителя проанализировали феномен Бонапартизма, на который Энгельс ссылался выше. В работе. «Восемнадцатое Брюмера» Маркс описывал, как пьяные солдаты Луи Наполеона именем «закона, порядка, и семьи» расстреливали буржуазию, которую они предположительно представляли.

Таким образом, можно понять классовое общество, только если принимать во внимание многостороннюю диалектическую взаимозависимость, противоборство всех факторов внутри его. Формалисты обычно теряются в той или другой стороне проблемы. Например, Клифф может написать:

"Так же как нелегко представить, что Миколайчик и его приспешники, бежавшие за границу или пропавшие в тюрьмах, являются истинными правителями Польши, так же трудно вообразить, что правителями России являются рабочие-рабы в Сибири". (Клифф, стр. 13).

Была ли буржуазия при Луи Наполеоне правящим классом? На этот вопрос нетрудно ответить.

Рассматривая развитие общества, нужно брать экономику как доминирующий фактор. Надстройка, развивающаяся на экономической основе, может отделяться от базиса и становится антагонистической ему. В конце концов, сущность марксистской теории революции в том, что постепенные изменения в производстве создают противоречие между базисом и надстройкой, которое может быть разрешено только путем уничтожения надстройки и реорганизации общества на основе нового способа производства, который сформировался внутри старого.

Экономика, в конце концов, является решающей. Вследствие этого, как старались объяснить все учителя марксизма, надстройка в конце концов должна придти в соответствие. Как только в теории отбрасывается критерий базисной экономической структуры общества, становятся возможными все типы поверхностных и произвольных теоретических конструкций.

Всякий неизбежно затеряется в лабиринте истории, подобно мифологическому Персею, затерявшемуся в лабиринте Минотавра, но без спасительной нити Ариадны. Нить истории – это базисная экономическая структура общества или формы собственности, ее юридическое отражение.

Давайте возьмем историю Франции, как случай, исключительно богатый примерами. Буржуазная революция произошла в 1789 году. В 1793 году якобинцы полностью захватили власть.

Как указывали Маркс и Энгельс, якобинцы вышли за рамки буржуазных отношений и тем самым выполнили важную историческую задачу, совершив в течение нескольких месяцев то, на что буржуазии понадобилось бы десятилетия или целые поколения - полностью очистили Францию от следов феодализма. Однако их режим оставался укорененным в буржуазных формах собственности. За правлением якобинцев последовал Французский Термидор и правление Директории, за которым следует классическая диктатура Наполеона Бонапарта. Наполеон вновь ввел многие феодальные формы, сам короновал себя императором и сконцентрировал верховную власть в своих руках. Но мы все же называем этот режим буржуазным. С реставрацией Людовика XVIII режим так же оставался капиталистическим..., а тогда мы имели не одну, а две революции -1830 и 1848. Эти революции имели важные социальные последствия. Они привели к значительным изменениям в персональном составе государственного аппарата. Однако, мы характеризуем их обе как буржуазные революции, при которых не произошло изменения господствующего класса - буржуазии.

Пойдем дальше. После Парижской коммуны 1871 года и вызванного ею потрясения общественных отношений мы имели Третью Республику с буржуазной демократией, которая просуществовала в течение десятилетий. Затем к власти пришел Пэтэн, затем сталинистско-голландский режим, и теперь правительство Квиэллэ. Проанализируем удивительное разнообразие этих режимов. Для не марксиста казалось бы абсурдным относить к одной категории, скажем, режим Робеспьера и Пэтена. Однако, марксисты определяют их как принципиально одинаковые - буржуазные режимы. Что является критерием? Только одно: форма собственности, частной собственности на средства производства.

Сравним, аналогично этому, режим нацизма в Германии с режимом Британской социал-демократии. Они настолько принципиально различаются по форме, что многие теоретики немарксистской и экс-марксистской школы нашли новую классовую структуру и совершенно новую общественную систему в лице нацистского режима. Почему мы говорим, что они представляют один и тот же класс и один и тот же режим? Несмотря на разницу в формах надстройки, экономический базис данных обществ остается тем же самым.

Если мы возьмем историю современного общества, мы увидим много примеров, когда буржуазия политически экспроприрована и все же остается правящим классом. Троцкий в своих работах детально описал феномен бонапартизма, о котором Маркс говорил как о «правлении обнаженного меча над обществом».

Посмотрим, что случилось в Китае, после того, как Чан Кай Ши с помощью Шанхайских банд разгромил Шанхайский рабочий класс. Банкиры охотно устраивали ему банкеты и аплодировали ему, как победителю и спасителю цивилизации.

Однако Чай Кай Ши хотел чего-то более материального, чем восхваления своих хозяев. Он, не церемонясь, засадил всех богатых промышленников и банкиров Шанхая за решетку и выудил кучу миллионов, прежде чем освободить их. Он сделал для них работу и теперь потребовал цену. Он разгромил рабочих Шанхая для капиталистов, но за это он потребовал власти и дохода для себя и своей банды. Однако, кто осмелится сказать, что банкиры, очутившись за решеткой, все-таки не были правящим классом, хотя они не обладали политической властью? Китайская буржуазия (не марксисты!) на своем печальном опыте убедилась в сложности общества, где хорошая порция прибавочной стоимости, отнятая у рабочих, должна была перейти к сторожевым псам буржуазии, и где многие представители буржуазного класса томились в тюрьмах.

Буржуазия политически экспроприруется при следующем условии: голая сила управляет обществом. Огромная часть прибавочной стоимости потребляется верхушкой бюрократии и военной касты. Однако, в интересы этой бюрократии входит продолжение капиталистической эксплуатации рабочих, и поэтому, в то время как она старается выкачать как можно больше из буржуазии, она, тем не менее, защищает частную собственность. Вот почему буржуазия продолжает оставаться правящим классом.

В этом и заключается ответ тем, кто утверждает, что было бы просто софистикой говорить, что рабочий класс может быть правящим классом, когда большая часть его авангарда находится в застенках в Сибири. Если мы не будем руководствоваться критерием основных, господствующих форм собственности, мы сойдем с пути марксизма. Можно привести много исторических примеров того, как одна часть правящего класса вела непримиримую войну против других его частей. Например, в войне Алой и Белой Розы в Британии две фракции класса феодалов фактически истребили друг друга. В тот или другой исторический период крупные фракции правящего класса были либо за решеткой, либо уничтожены. Вспомним хотя бы отношение Гитлера к его буржуазным оппонентам. Они теряли не только свое состояние, но и жизнь.

Рассматривая роль государства, необходимо ответить на самый важный вопрос, на который не смог ответить Клифф: должно ли быть государство инструментом только какого-либо одного класса, и какой класс представляет оно в России и в Восточной Европе?

Оно не может представлять класс капиталистов, так как они экспропрированы. Нельзя утверждать, что оно представляет интересы класса крестьян или мелких собственников в городах. При фашистском или бонапартистском режиме, даже несмотря на то, что политические гангстеры могут схватить буржуазию за горло, тем не менее существует класс капиталистов, в интересах которого работает вся экономика в целом, и за который цепляются эти паразитические наросты. Если сталинские бюрократы не представляют пролетариат в смысле трактовки Троцкого, т.е. как защитники национализации средств производства, планирования и монополии внешней торговли, то кого же они тогда представляют? Клифф отвечает, что бюрократия представляет собою новый правящий класс, капиталистический класс России. Однако серьезное изучение этого вопроса показывает, что это не так. Он говорит, что государство создает новый эксплуататорский класс. Бюрократии принадлежит государство, государству принадлежат средства производства, поэтому бюрократия является классом. В результате по Клиффу выходит, что государство принадлежит государству.

По Ленину государство: «всегда было аппаратом, который выделился из общества и состоял из группы людей, занимавшихся исключительно или почти исключительно, или главным образом, управлением».

Люди делятся на тех, кем управляют, и специалистов по управлению, которые возвышаются над обществом и называются правителями, представителями государства.

Эта группа людей, которая правит другими, всегда использует какой-нибудь аппарат угнетения, физической силы, независимо от того, осуществляется ли это угнетение с помощью примитивной дубинки или - в эпоху рабства - более совершенными типами оружия, или огнестрельным оружием, появившимся в средние века, или, наконец, современным оружием. Методы принуждения изменялись, но пока существовало государство, в каждом обществе существовала группа людей, которые управляли, командовали, господствовали и которые, чтобы поддержать свою власть, владели аппаратом физического угнетения, аппаратом насилия, с оружием, наиболее соответствующим техническому уровню данной эпохи. И исследуя эти общие явления, спрашивая себя, почему не существует государство там, где нет классов, где нет эксплуататоров и эксплуатируемых, и почему оно

возникает с возникновением классов - только в этом случае мы найдем определенный ответ на вопрос о сущности государства и его значении.

Государство - это машина. для поддержания управления одного класса другим» (Ленин, «Государство и революция» Собрание сочинений, том 29, стр. 477).

Государство по самой своей природе состоит из бюрократии, офицеров, генералов, начальников полиции и т.д. Но они не составляют какой-либо класс; они являются инструментом какого-то класса, даже если они находятся в антагонизме к этому классу. Они не могут сами быть классом.

Мы должны спросить Клиффа: какой части советской бюрократии принадлежит государство? Это не может быть вся бюрократия, так как она, сама бюрократия, разделена, иерархически. Мелкий гражданский служащий так же является частью бюрократии, как и крупный бюрократ. Тогда есть ли командный слой в Советском обществе? Это совершенно неясно. В капиталистическом обществе или в любом классовом обществе, независимо от того, насколько привилегированной является его политическая верхушка, она представляет собой инструмент для защиты правящего класса, владеющего средствами производства. Мы знаем, кого представляли Наполеон, Наполеон III, Бисмарк, Чан Кай Ши, Гитлер, Черчилль и Эттли. Но кого представляют бюрократы: бюрократов? Конечно, это не так. В одной из глав мы показали, что отношение советской бюрократии к средствам производства непременно является паразитическим и сходно в этом паразитизме с нацистской бюрократией. Бюрократия не является необходимой и обязательной категорией для конкретного способа производства. В лучшем случае бюрократам положена зарплата руководителей. Если они берут больше, то это происходит таким же образом, каким нацистская бюрократия использовала часть прибавочной стоимости, произведенной рабочими. Но ни в СССР, ни в нацистской Германии бюрократия не была классом.

Можно привести многочисленные данные, показывающие, что капиталистическое государство предполагает частную собственность, индивидуальное владение средствами производства. Государство – это аппарат управления, и этот аппарат сам по себе не может быть правящим классом. Бюрократия – это просто часть государственного аппарата. Она может "владеть" государством, в том смысле, что она поднимается над обществом и становится относительно независимой от экономической доминанты, т.е. правящего класса. Так было в нацистской Германии, где бюрократия диктовала капиталистам, что они должны производить, как они должны это производить и т.д. для военных целей. Так же и в военной экономике Британии, США и всех других империалистических стран, государство диктовало капиталистам, что и как они должны производить. Но это не превращало бюрократию в правящий класс. Почему? Потому что эти меры предпринимались для защиты частной собственности.

Клифф утверждает, что советская бюрократия управляет производством и планирует его. Это достаточно справедливо. Но чьей промышленностью она управляет и планирует? В капиталистическом обществе управляющие планируют и управляют промышленностью в отдельных предприятиях и трестах. Но это не делает их владельцами этих предприятий и трестов. Бюрократия управляет всей промышленностью. В этом смысле справедливо, что она, более независима от своей экономической основы, чем любая другая бюрократия или государственная машина во всей истории человечества. Но, как подчеркивал Энгельс, и снова подчеркиваем мы, в конце концов, экономическая основа общества является решающей. Если Клифф хочет доказать, что бюрократия является правящим классом капиталистов в своей функции управляющих, тогда ясно, что он отказывается от марксистского подхода к определению класса капиталистов. Он называет советскую бюрократию классом, но он не дает адекватной теории, объясняющей, что это за класс.

Государство - это инструмент классового господства, угнетения, это почетный полицейский. Но полицейский - это не правящий класс. Полиция может стать разнузданной, полицейские бандитами, но она не может превратиться в класс капиталистов, помещиков или рабовладельцев.

Что произошло в Восточной Европе?

События в Восточной Европе и характер государств, которые там возникли, можно объяснить только с помощью марксистско-ленинской теории государства, и только концепции Троцкого могут объяснить события в Восточной Европе с этой точки зрения.

Сначала нужно понять, что произошло в Восточной Европе с наступлением Красной Армии. Никто не может отрицать (оставим пока в стороне вопрос о Германии), что во всех Балканских и восточно-европейских странах наступление Красной Армии привело к революционному движению не только среди рабочих, но также и среди крестьян. Причина этого заключается в самом характере этих государств, где до войны, не считая Чехословакию, капитализм был очень слабым. Мы имели здесь

разлагающиеся военно-феодално-буржуазные диктатуры, политические режимы которых были абсолютно неспособны к дальнейшему развитию производительных сил этих стран.

Общий мировой кризис капитализма особенно углубился из-за отсталости и искусственного раскола этой территории, последовавшего после первой мировой войны. Сам термин «балканизация» происходит из этой части Европы. Расчлененная на мелкие слабые государства, преимущественно аграрные по характеру, с очень слабой промышленностью, эта территория неизбежно стала почти полуколонией великих держав. Франция, Британия, до известной степени Италия, затем Германия, стали господствующими державами этого региона. Через свою внешнюю торговлю Германская промышленность подчинила себе отсталую экономику Балканских стран. Во всех этих странах иностранный капитал играл важную роль. В большинстве из них в экономике преобладали иностранные инвестиции, и за этот счет мелкая промышленность имела возможность существовать.

С оккупацией этих стран Гитлером был экспроприрован не только "неарийский" капитал, но и местные капиталисты были в значительной степени вытеснены и заменены Германскими банками и трестами. Германский капитал захватил решающее место - все ключевые позиции и секторы экономики. Оставшийся капитал в основном принадлежал коллаборационистам и квислингам и оставался подчиненным Германскому капиталу.

Этот режим был создан квислингами, которые опирались на германские штыки. Если довоенные режимы (военные полицейские диктатуры) и имели небольшую народную поддержку, то в ходе войны она исчезла. С падением нацистской диктатуры и победой Красной Армии был дан несомненный импульс социалистической революции. В Болгарии, например, в 1944 году, в тот момент, когда Красная Армия пересекла границу, произошло восстание в Софии и других крупных городах. Массы начали организацию советов и рабочих комитетов. Солдаты и крестьяне организовывали комитеты, а рабочие захватывали фабрики.

Аналогичные движения происходили во всех странах Восточной Европы, кроме Германии. Давайте посмотрим, что произошло в Чехословакии. Здесь после наступления Красной Армии началось восстание в Праге, захват фабрик рабочими и земли крестьянами. Здесь также происходило братание на границах Богемии и Моравии между чехами и судетскими немцами.

За элементами пролетарской революции быстро последовала сталинская контрреволюция. Беда Клиффа в том, что он не сумел выделить элементы пролетарской революции из быстро последовавшей за ней контрреволюции.

Рассмотрим два примера: Болгарию и Чехословакию. В Болгарии мы имели ситуацию, которая повторялась вновь и вновь на протяжении трагической истории борьбы трудящихся масс за установление рабочей демократии. Реальная сила находилась в руках рабочего класса. Буржуазное государство было раздавлено. Как? Немцы ушли, офицеры потеряли контроль над солдатами; полиция укрылась, помещики и капиталисты не имели власти. Наступил вакуум, классический период двоевластия, когда массы были недостаточно сознательны, чтобы организовать свою собственную власть, а буржуазия слишком слаба, чтобы утвердить свое господство.

Эта ситуация знакома марксистам: Германия 1918, Россия 1917, Испания 1936. Возможно, будет полезно сравнение с Испанией. Здесь так же массы захватили фабрики и земли в Каталонии и Арагоне. Буржуазное "правительство" оказалось подвешенным в воздухе. Массы полностью раздавили полицию и армию. Существовала только одна вооруженная сила: рабочая милиция. Эти условия были необходимы, чтобы организовать советы и комитеты, отбросить развалившееся правительство и взять власть.

Достаточно хорошо известно, что произошло. Сталинисты сумели создать коалицию не с буржуазией - владельцы фабрик и буржуазия перешли на сторону Франко как следствие восстания масс - а с «тенью буржуазии». Сталинисты сделали это в Испании с единственной целью недопущения социалистической революции из страха волнений в России и, конечно, вследствие их желания продемонстрировать британским и французским империалистам, что им нечего бояться международного рабочего движения. Поэтому в Испании они постепенно помогли тени обрести уверенность. Постепенно они воссоздали буржуазную армию и буржуазные полицейские силы под контролем буржуазного класса. Когда это произошло, земля была возвращена помещикам, а фабрики - их владельцам. Последствия этого стали очевидны к концу гражданской войны, когда буржуазное государство, которое они помогли воссоздать, организовало путч и установило военную диктатуру на территории Республики, признав незаконной саму Коммунистическую партию.

В Болгарии, как и во всех других странах Восточной Европы, сталинисты поспешили заключить соглашение с тенью буржуазии. Началась социалистическая революция и была опасность, что она будет результативной. Этого, конечно, сталинисты боялись. Но, с другой стороны, они также не хотели, чтобы власть перешла к буржуазии. Они пустили под откос социалистическую революцию,

организовав так называемый Отечественный Фронт в Болгарии и возглавив движение масс под лозунгами шовинизма и антигерманизма. Братание в Болгарии быстро стало наказуемым, советы, образованные в армии, были распущены, рабоче-крестьянские комитеты расформированы. Сталинисты создали фронт "Национального Единства", союз всей нации. Но отличие от Испании здесь было в том, что ключевые позиции в этой так называемой коалиции, где тень буржуазии обладала властью, твердо оставались в руках сталинистов. Они взяли на себя полицию и армию. Они назначали людей на ключевые и командные посты. Все важные должности гражданской службы были отданы в руки послушных исполнителей. Понятно, что за ширмой национального единства они сконцентрировали в своих руках реальную государственную власть. Они создали послушный инструмент по собственному образцу - государственную машину московской модели.

Этот процесс предельно ясен в случае с Чехословакией. Когда советские войска вошли в страну, там не было правительства. Немцы со своими квислингами бежали. Комитеты, сформированные массами, контролировали промышленные предприятия и землю. Сталинисты привезли из Москвы правительство Бенеша. Реальная власть, ключевые посты, были целиком в их руках. Они сохраняли главные позиции и отвели буржуазии теневую роль.

Частично для того, чтобы разбить социалистическую революцию, а частично, чтобы придти к компромиссу с американским империализмом, они позволили некоторым секторам экономики оставаться в руках частных предпринимателей. Но настоящая власть, т.е. вооруженные силы, была организована ими и находилась под их контролем. Это была уже не та государственная машина, что раньше. Это была совершенно новая государственная машина, их собственное творение.

Для того, чтобы пустить под откос революцию, сталинисты сыграли на шовинизме и нанесли стране страшный удар выселением судетских немцев. Мы, таким образом, видим, что Клифф не отделяет элемент контрреволюции, действия бюрократии по разгрому революции от элементов революции.

Конечно, попытка сталинистов сохранить компромисс с буржуазией ввиду их контроля над государственной властью не могла продолжаться бесконечно. Тень должна иметь основу. Попытка американского империализма базироваться в своих опорных пунктах в Восточной Европе в форме остатков буржуазии и тех секторов экономики, которые эти остатки контролировали, с помощью по плану Маршалла, стала сигналом опасности. С поразительной скоростью бюрократия принялась действовать, приказав восточноевропейским государствам отказаться от американской помощи по плану Маршалла. История показывает невозможность сохранения двух антагонистических форм собственности. Хотя буржуазия была очень слаба, она пыталась завоевать политические позиции благодаря тому факту, что сохранила под своим контролем значительную часть легкой промышленности. Растущая враждебность Америки, невозможность положиться на буржуазию, несовместимость буржуазии с пролетарским государством, хотя и под бюрократическим управлением, заставила бюрократию принять меры для форсирования процесса установления советской общественной модели. Здесь мы могли бы добавить, что Троцкий видел в расширении национализированной собственности в странах под властью сталинистских компартий доказательство того факта, что Россия является государством рабочих. Февральские события в Чехословакии, на которых было сфокусировано мировое внимание, высветили драматическим образом процесс, происходящий во всех странах с господством сталинистов. Решающим фактором было то, что сталинисты имели поддержку рабочих и крестьян в национализации промышленности и переделе земли. Но все, что увидел Клифф - это то, что государственная машина осталась якобы той же, что и при немцах. Нет сомнения, что буржуазия хотела, чтобы это было так!

Согласно всем наблюдателям, сталинисты, из-за их компромиссов с буржуазией и разочарованности трудящихся масс, вероятно, потеряли бы голоса на предстоящих выборах в Чехословакии. Буржуазные элементы набирали силу, опираясь на мелкую буржуазию в городах и разочарованных рабочих и крестьян. Постепенно буржуазия приобретала надежду завоевать контроль над государством и организовать контрреволюцию с помощью Англо-Американского империализма. Хотя бюрократия имела контроль над государственной машиной, он был сомнительным и шатким из-за того способа, которым был получен.

Для того, чтобы завершить процесс национализации и взятия под свой полный контроль государства, как предвидел Троцкий, бюрократия, хотя и осторожно, была вынуждена обратиться к массам. Она выпустила обращение к Комитетам Действия, которые бюрократически контролировались сверху, но, тем не менее, были относительно демократическими снизу. Сталинисты вооружали рабочих, т.е. организовывали рабочую милицию. Энтузиазм масс в этих условиях, естественно, стал очевиден. Даже рабочие - социал-демократы, которые ненавидели сталинистов и не доверяли им, с энтузиазмом участвовали в этих мерах против буржуазии. Троцкий однажды сказал, что если против льва используют ружье, то против блохи - свой ноготь. Столкнувшись со сталинским государственным аппаратом и угрозой массового движения, буржуазия оказалась беспомощной.

Однако, образование Комитетов Действия, вооружение рабочих, неизбежно означало, что зародыш нового советского режима развивается. Конечно, бюрократия быстро сумела, сломать независимость масс и установить тоталитарный режим. Были быстро проведены новые выборы по советским правилам, с одним кандидатом и под строгим контролем. Перед лицом этих событий Клифф спрашивает:

"Каково же тогда будущее Четвертого Интернационала? Каково его историческое оправдание? Сталинистские партии имеют все преимущества перед Четвертым Интернационалом – государственный аппарат, массовые организации, деньги и т.д., и т.д. Единственное преимущество, которого они не имеют, это интернационалистическая классовая идеология.

Если социальная революция происходила в восточноевропейских странах без руководства со стороны революционного пролетариата, то мы должны сделать вывод, что в будущих социальных революциях, как и в прошлых, массы будут борющейся, боевой силой, а не руководящей. Во всех буржуазных битвах борьбу вела не сама буржуазия, а массы, которые думали, что делают это в своих интересах. Санкюлоты Французской революции боролись за свободу, равенство, братство, в то время как истинной целью этого движения было установление власти буржуазии. Это имело место в те времена, когда буржуазия была прогрессивной. В реакционных империалистических войнах, чем меньше массы, представляющие пушечное мясо, знают о целях этих войн, тем лучшими солдатами они являются. Предположить, что "новые демократии" - это государства рабочих, значит принять, что в принципе пролетарская революция, так же как и буржуазные войны, основана на обмане народа...

Если эти страны являются государствами рабочих, тогда почему марксизм, почему Четвертый Интернационал? Массы имеют право смотреть на нас только как на авантюристов, или в лучшем случае, на нетерпеливых революционеров, у которых расхождения со сталинистами были просто тактическими». (Клифф, стр. 14-15)

Клифф адресовал эти вопросы не тем людям. Фактически, он должен был задать их самому себе и дать ответ. Если его теория верна, то тогда вся теория Маркса становится утопией. Клифф думает, что если он приклеит ярлык "государственный капитализм" к феномену сталинизма, то он спасет свою совесть и восстановит "потерянную" роль Четвертого Интернационала к своему собственному удовлетворению. Здесь мы видим фетишизм, о котором говорил Маркс и который иногда проникает даже и в революционное движение: измените название предмета и вы измените его сущность. Невозможно объяснить или проследить классовые исторические нити современных событий без существования и дегенерации государства рабочих в России. Необходимо проанализировать события в России 1917 года. Говоря о том, что бюрократия использовала массы в Чехословакии, Клифф должен был бы задаться вопросом, кто был использован в 1917 году? Не за Октябрьской ли революцией последовала победа сталинизма? Добрые намерения или субъективные желания большевистского руководства и рабочего класса не вызывают сомнений. Согласно теории Маркса, ни одно общество не уходит со сцены, не исчерпав все свои внутренние возможности. Если в мировой истории начинается новый период государственного капитализма - а это неизбежно вытекает из теории Клиффа, т.к. тогда выходит, что не может быть никакого экономического предела развитию производства при этом так называемом государственном капитализме, - тогда разговоры о том, что мы живем в эпоху кризиса мирового капитализма, сводятся к пустому словоблудию. Мы имеем абсурдность новой революции - пролетарскую революцию 1917 года, органически изменившую капиталистическую экономику в ... государственный капитализм. Мы так же имеем не менее абсурдную концепцию революции в Восточной Европе, где весь класс капиталистов был экспроприрован, чтобы установить что? Капитализм! Серьезные размышления показывают, что для Клиффа невозможно сохранить эту позицию в отношении к Восточной Европе без переноса того же самого аргумента на саму Россию.

Клифф сам указывает на тот факт, что в буржуазной революции массы сражались, а буржуазия пожинала плоды. Массы не знали, за что они борются, но фактически они боролись за власть буржуазии. Возьмем французскую революцию. Ее идеологами были философы-просветители: Вольтер, Руссо и т.д. Однако, они действительно всерьез принимали идеализацию буржуазного общества. Они верили в идеалы свободы, равенства и братства, которые они прославляли. Как нам хорошо известно, французская Революция вышла за пределы своей социальной основы. Это политически выразилось в революционной диктатуре санкюлотов, которая преступила рамки буржуазного общества. Как объяснял Маркс, эта диктатура завершила за несколько месяцев то, на что буржуазии понадобились бы десятилетия. Лидеры революционного крыла мелкой буржуазии, возглавившие диктатуру - Робеспьер, Дантон и др. - искренне верили в доктрины философов-просветителей и пытались применить их на практике. Но они не могли этого сделать, потому что невозможно выйти за рамки экономической основы данного общества. Они неизбежно должны были потерять власть и просто вымостили путь для развития буржуазного общества. Если аргументы Клиффа верны, то остается только сделать вывод, что с Русской революцией произошло то же самое, что и с французской. Тогда Маркс был просто пророком нового государственного капитализма. Ленин и Троцкий были Робеспьерами и Карно Русской Революции. Тот факт, что Ленин и

Троцкий имели хорошие намерения, несомненно, как и несомненно хорошие намерения вождей буржуазной революции. Тогда пролетарские революционеры просто вымостили путь для правления нового класса - государственных капиталистов.

Таким образом, если бюрократия использовала массы в Чехословакии, и это является доказательством государственного капитализма в этой стране, то русская бюрократия отнюдь не меньше использовала пролетариат в революции 1917 года. Однако, эти следствия теории Клиффа не могут удовлетворить никого. Тот факт, что советская бюрократия, будучи паразитическим социальным слоем деформированного рабочего государства, ассимилировала экономику Восточной Европы и начала развитие там социалистических преобразований, означает, что она сознательно проводила процесс, который растянулся на многие годы в России. Взяв за основу преобразования в СССР, бюрократия осуществила их на новой почве и на более коротком историческом отрезке. Это должно быть ясно: без существования деформированного рабочего государства, соседнего или близкого к этим странам, эти преобразования были бы невозможны. Либо пролетариат победит в результате здоровой пролетарской революции по классическим марксистским канонам и распространит эту революцию на другие страны, либо империализм уничтожит его.

Означает ли это, что сталинисты завершили революцию, и, следовательно, нет необходимости в Четвертом Интернационале? Много раз в истории мы сталкивались со сложной ситуацией. Например, в период Февральской революции в России, сбросившей царизм, массы начали вскоре переходить под влияние меньшевиков и эсеров. Массы, выполнив одну задачу - свержение царизма (политическую революцию) – получили новые барьеры на своем пути и должны были переступить эти барьеры с помощью второй революции - социальной революции, которая свершилась в Октябре. Тот факт, что массы совершили основную социальную революцию в странах Восточной Европы только для того, чтобы эта революция была немедленно извращена советской термидорианской бюрократией, означает, что теперь перед ними встала задача совершения второй революции – политической.

Клифф должен был бы поставить только один вопрос: каковы задачи Четвертого Интернационала в России? Они идентичны задачам Интернационала в Восточной Европе. Для того, чтобы добиться социализма, здорового рабочего государства, массы должны иметь контроль над администрацией и государством. Этого сталинисты никогда не позволят. Этого можно добиться только новой революцией. Этого можно достигнуть только свержением бюрократии в России и в Восточной Европе. Задачи Четвертого Интернационала ясны: бороться за политическую революцию для установления рабочей демократии - полугосударства и быстрого перехода к социализму на основе равенства. Форма собственности не будет изменяться. Тот факт, что Клифф называет это социальной революцией, ничего не меняет. Там где Троцкий находит доказательство определения классово-природы СССР как деформированного рабочего государства в установлении новых форм собственности в странах, контролируемых советской бюрократией, Клифф находит доказательство обратного.

Клифф утверждает, что если рабочий класс не имеет прямого контроля над государством, то это не может быть рабочее государство. В этом случае он должен отвергнуть идею, что в России когда-либо существовало государство рабочих, кроме, возможно, первых нескольких месяцев. Здесь необходимо повторить, что диктатура пролетариата реализуется посредством авангарда этого класса, т.е. партии, а в партии - через партийное руководство. При благоприятных внешних и внутренних условиях диктатура пролетариата будет обеспечена с помощью демократии внутри государства и внутри партии. Но само существование диктатуры, ее необходимость для достижения радикальных изменений в социальной системе уже является доказательством глубоких социальных противоречий, которые могут, при известных исторических обстоятельствах, находить отражение внутри государства и внутри партии. Партия, так же как и государство, не может автоматически и непосредственно отражать интересы рабочего класса. Ленин ни в коем случае не думал о профсоюзах как о факторе, необходимом для защиты рабочих от их государства, так же как и о надежном единственном оплоте для защиты своего государства.

Если для исторической партии рабочего класса (социал-демократии) было возможно, особенно на уровне руководства, дегенерировать и оказаться неспособной непосредственно отражать интересы этого класса, то почему же не может дегенерировать рабочее государство? Почему государство не может завоевать относительную независимость от господствующего через форму собственности рабочего класса? Бюрократия не является господствующим классом, она паразитически жиреет на рабочем классе, и в то же время (в своих собственных интересах) защищает новые экономические формы, созданные революцией. Как мы уже ранее показали, Клифф пытается провести искусственную грань, метафизически устанавливая водораздел между периодом до 1928 г., когда, как он думает, прибавочная стоимость не являлась основой возникновения нового класса, и после 1928 г., когда якобы возник класс «государственных капиталистов». Не говоря уже о фактической неточности, это абсолютно нежизненный способ исследования политико-экономических явлений.

В действительности, переход от одного общества к другому оказался гораздо более сложным, чем это могли предвидеть классики научного социализма. Не более чем любой другой класс или общественная формация, пролетариат получил возможность плавного и спокойного перехода к своему господству, и, следовательно, к своему безболезненному и спокойному исчезновению в обществе, т.е. к социализму. Это был возможный вариант. Однако, разложение и социал-демократии и советского государства в данных условиях было вовсе не случайным. В определенном смысле оно представляло сложные отношения между классом и его политическими представителями и государством, которое более чем когда-либо в истории имело основание для относительной независимости от господствующего класса. Другими словами, переход от капитализма к социализму отражает многообразие исторических факторов, являющихся фоном для решающего фактора, экономики.

Сравним широкий взгляд Ленина, с механическим взглядом Клиффа. Ленин неоднократно подчеркивал необходимость изучения переходных периодов прошлых эпох, особенно от феодализма к капитализму, для того, чтобы понять законы перехода от капитализма к социализму в России. Он отвергал концепцию, что государство, возникшее в Октябре, должно следовать какой-то заранее определенной норме, или, в противном случае, перестать быть государством рабочих.

Ленин хорошо знал, что пролетариат, его партия, политическое руководство, не имели богом данной силы, которая привела бы гладко, без противоречий к социализму. Несомненно, что единственный вывод, который должен последовать из кантовских норм, категорически изложенных Клиффом, состоит в том, что путь от капитализма к социализму идет прямой дорогой согласно раз навсегда данной норме. Но Ленин заранее подчеркивал, что диктатура пролетариата будет весьма разнообразной в различных странах и при различных условиях.

Ленин не раз утверждал, что при переходе от феодализма к капитализму диктатура поднимающейся буржуазии находила свою форму в диктатуре одного человека. Какой-либо класс мог господствовать через персональную власть одного человека. «Постфактум» Клифф охотно готов принять эту концепцию, насколько она применима к буржуазии. Однако из его аргументов можно заключить, что персональная диктатура как форма осуществления диктатуры пролетариата невозможна. Поскольку, по его мнению, господство одного человека предполагает абсолютизм, произвол одного человека, без политических прав для правящего класса, чьи интересы, в конце концов, он должен представлять. Но Ленин указывал на личную диктатуру периода перехода от феодализма к капитализму только для того, чтобы показать, что при определенных условиях диктатура пролетариата может быть реализована через диктатуру одного человека. Ленин не развил эту концепцию. Но сегодня в свете опыта России и Восточной Европы и с учетом опыта Китая мы можем углубить и понять не только настоящее, но и прошлое развитие общества.

Диктатура пролетариата может быть реализована через диктатуру одного человека. И, поскольку это подразумевает относительную независимость государственного аппарата от своей классовой основы, этот госаппарат будет стремиться приобрести свой собственный узаконенный интерес, даже враждебный и чуждый классу, который он представляет, как в случае сталинистской России.

Когда мы изучаем развитие буржуазного общества, мы видим, что автократия одного индивидуума, в условиях данных социальных противоречий, служила потребностям развития этого общества. Это ясно показано правлением Кромвеля и Наполеона. Но хотя их режимы базировались на буржуазной основе, на определенной стадии автократия становится из благоприятного фактора развития капиталистического общества препятствием для его полного и свободного развития. Однако, абсолютистская диктатура не исчезает безболезненно. Во Франции и Англии потребовались дополнительные политические революции, прежде чем буржуазная автократия смогла превратиться в буржуазную демократию. Но без установления режима буржуазной демократии полное и свободное развитие производительных сил вплоть до достижения пределов капиталистического способа производства было бы невозможным.

Если этот анализ целиком применим к исторической эволюции буржуазии, то насколько же больше он оправдан в отношении к пролетариату отсталой и изолированной страны, где диктатура пролетариата переродилась в диктатуру одного человека?

Для того, чтобы пролетариату вступить на путь раскрытия всех возможностей социализма, необходима новая революция, дополнительная политическая революция, которая превратит бонапартистское пролетарское государство в государство рабочей демократии. Эта концепция политической революции отражает опыт прошлого. Так же как капитализм прошел через многие бурные, противоречивые фазы (и сейчас наша эпоха свидетельствует, что мы еще далеки от того, чтобы покончить с ними), так в данных исторических условиях обстоит дело и с господством пролетариата в России. Так же как и Россия, Восточная Европа и Китай проходят через эту бонапартистскую фазу, приводящую к неизбежности новых политических революций, задача которых в том, чтобы установить рабочую демократию как предпосылку для перехода к социализму. Объяснение перерождения рабочего

государства в России мы находим в конкретных взаимоотношениях между классом и его государством в данных исторических условиях, а не в мистической идее, что государство рабочих, при всех условиях, должно быть идеальной рабочей демократией или трансформацией государства в класс. В конце концов, экономический фактор, как и в буржуазном обществе, со многими подъемами и катастрофами, делает свое дело. Рабочий класс, обогащенный историческим опытом и извлекая пользу из его уроков, победоносно сбросит сталинистский абсолютизм и организует здоровую рабочую демократию на более высоком уровне. Тогда новое государство будет более или менее соответствовать идеальной форме, разработанной Марксом и Лениным.